

Полбраденне улов,
или
Дядьвал в Ростоне

ПЬЕСА В ТРЕХ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
Г. Снимщиковой

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

- Коттон Матер, пастор Второй (Северной) церкви в Бостоне.
Эбигейл Матер, его жена.
Ричард Матер, его сын.
Доктор Томас Кольмен, его шурин, врач, казначей колонии Массачусетс.
Сэмюел Пэрриш, пастор селения Салем.
Ханна Пэрриш, его дочь.
Сэмюел Сьюолл, судья.
Джордж Берроуз, бывший пастор селения Салем.
Бриджет Оливер, прачка.

Действие происходит в Бостоне в 1692 году в кабинете Коттона Матера.

Кабинет представляет собой небольшое темноватое помещение. Посредине входная дверь с улицы. Двери справа и слева ведут в другие комнаты дома. На стенах развешены документы в рамках. Камин. Большие часы. Много книг. Письменный стол. Конторка. Глобус. На видном месте череп.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Коттон Матер один. Это человек лет сорока пяти, в одежде духовного лица, в парике. Темперамент побуждает его к резким движениям, но он старается сдерживать их, считаясь со своим положением. Матер опытный оратор, и это чувствуется в разговоре, но иногда, разволновавшись, он начинает заикаться. Матер сидит за письменным столом, глаза его полузакрываются.

Матер (*напряженно думая, бормочет про себя*). Пастырь... пастор... пастырь... (*Удовлетворенно улыбается и скандирует стихи, отбивая ритм пальцами по столу.*)

Nominis, officiique fuit concordia dulcis...

(*Продолжает напряженно думать, скандирует.*) Имя и должность его были друг с другом в согласье. (*Скандируя.*)

Officio pastor nomine pastor erat.

Имя и должность его были друг с другом в согласье,

Пастырь по имени, он был и по должности пастырь. (*Улыбается и молча занимается своей работой.*)

Доктор Томас Кольмен входит в дверь позади Коттона Матера. Это элегантный мужчина с приветливым, слегка ироническим выражением лица. Он немного старше Коттона Матера.

(*Не отрывая глаз от рукописи.*) Кто там?

Кольмен. Я мешаю тебе?

Матер (*заслышав голос Кольмена, явно удивлен, но продолжает работать, уткнувшись в рукопись*). Нет. Я привык одновременно делать несколько дел. Иначе я не исполнил бы и части труда, возложенного на меня милостью господней.

Кольмен. С тех пор как я вернулся из Лондона, у меня не было случая поговорить с тобой серьезно.

Матер. Отец исчерпывающе ознакомил меня с лондонскими переговорами: ведь он чаще других встречался с королем и министрами.

Кольмен (*добродушно усмехаясь*). Значит ли это, любезный шурин, что тебе не важно выслушать также мой отчет и узнать мое мнение?

Матер (*все еще не отрываясь от рукописи*). Пожалуйста, не извращай моих слов! Разумеется, мне интересно твое мнение, тем более, что оно не сходится с нашим.

Кольмен (*так же добродушно*). Да, они расходятся, и очень.

Матер (*перестает писать, оборачивается к Кольмену, говорит с еле сдерживаемой резкостью*). Я уже слышал от отца, что ты все тот же, Томас Кольмен, такой же строптивый, не считаешься с авторитетами, чем-то недоволен, вообще — такой, каким был, когда мы учились в Гарварде.

Кольмен. Ты тоже едва ли изменился, Коттон Матер. Ты, верно, и сейчас нашел бы, о чем донести на меня по начальству. (*Следя за взглядом Матера.*) Например, о моих рукавах или башмаках.

Матер. Конечно, было бы пристойнее, если б господин казначей колонии не нарушал закона об одежде, хотя взыскивают за это только с простонародья. (*Пожимает плечами и снова обращается к рукописи.*) Впрочем, как тебе понять, что я с самых ранних лет стою за строгое исполнение долга!

Кольмен. По отношению ко мне ты исполнил его ровно пять раз: пять раз ты доносил на меня и донес бы в шестой, если б мы тебя не поколотили.

Матер. Тогда я еще не умел сносить неблагодарность тех, кого я тщился направить на путь истинный. Потом я этому научился.

Кольмен. Нечего тебе жаловаться на неблагодарность. Каждый ребенок знает балладу о деяниях Матерон.

Матер. Да, само провидение помогло моему отцу вписать нерушимыми буквами свое имя в историю нашей родины.

Кольмен (*добродушно улыбаясь*). И тебе тоже.

Матер. Да, отчасти и мне.

Кольмен. Если я верно понял Эбигейл, ты трудишься над «Историей Америки»?

Матер. Да, в некотором роде. (Он не хочет вдаваться в подробности, но не может себя сдерживать.) То, над чем я тружусь, есть описание совершенного церковью по сию сторону океана. Книга будет называться «Magnalia christi in America».

Кольмен. «Великие деяния христиан в Америке». Нелегкий труд.

Матер. Нелегкий еще и потому, что многое иное возложено на меня. Население Новой Англии выросло, растут и пороки. Нелегко приходится тому, кто обязан следить, чтобы в стране торжествовала добродетель. Я не говорю уже о тяжелой политической ответственности, которую возложила на нас с отцом новая конституция.

Кольмен. В недостатке энергии тебя еще никто не упрекал.

Матер (бросив взгляд на череп). Я часто думаю, как краток наш срок, и поэтому с легкостью отказываюсь от трапезы среди дня, то от отдыха ночью. (С гордостью.) Одновременно с трудом историческим я взялся за переложение псалмов. Большая часть моих переложений готова.

Кольмен. Твои литературные труды находят признание и в Лондоне. Книги Коттона Матера я встречал в таких библиотеках, где меньше всего ожидал их увидеть.

Матер (с тихой грустью). Да, за океаном есть люди, которые меня ценят. (Снова берется за рукопись.)

Кольмен. Будто здесь тебя недостаточно ценят! Впрочем, Коттон Матер, ты убедил себя в этом еще в десятилетнем возрасте. Уже тогда это было глупо.

Матер продолжает писать.

(Дружелюбно.) Кто-кто, как не я, видит твои сильные стороны. Я знаю лучше других, на что ты пошел, когда во время эпидемии сделал прививки себе, семье и всем, кто тебе поверил, вопреки наветам твоих братьев по сану.

Матер пишет, внимательно слушая,

А сколько бесстрашия ты проявил тогда в борьбе против тирана губернатора, — об этом не только поется в балладе, я это видел своими глазами. Вот почему я мирюсь с целой кучей твоих причотей и ложных представлений.

Матер (не глядя на него). Ты очень любезен. (Внезапно повернувшись к нему, говорит резко.) Когда Законодательное собрание, не вняв моему совету, послало тебя в Лондон, я надеялся, что ты хоть на этот раз сумеешь подавить в себе дух отрицания, непокорности и легкомыслия. Но тщетны были мои надежды. Твое упрямство несказанно усложнило моему отцу его задачу. Ты оказался худшим христианином, чем я думал.

Кольмен. Помнишь, еще в школе я говорил тебе, что не одним Матерам дано определять, в чьей груди живет бог, а в чьей — дьявол.

Матер. Это привилегия моего отца. Он воздвиг здесь, в этой дикой стране, среди невежественных поселенцев, постоянно теснимых индейцами, прочное государственное здание, основанное на твердом фундаменте библии. Он воплотил в жизнь закон Моисеев. * Человек, так взысканный господом богом, не может ошибаться.

Кольмен. Не могу понять, как человек, столь сведущий в естественных науках и столь легко разоблачающий острым разумом всевозможные предрассудки, может говорить подобное.

Матер. Не понимаю и я тебя. Врач и крупнейший ученый, ты отказываешься признавать истины, доступные простому батраку. Должны существовать люди великого сердца, наделенные даром неоспоримо толковать слово божье и претворять его в дела.

Кольмен. И такие люди — Матеры?

Матер. Да. В Новой Англии это — мой отец. (С трудом подавляя волнение.) Я огорчен и возмущен, что именно брат моей жены и мой школьный товарищ восстает против угодного богу порядка.

Кольмен. Довольно спорить. Слишком глубоко засела в тебе ненависть к свободной мысли.

Матер. Ты меня никогда не понимал. Я борюсь против вольнодумцев, против саддукеев, * я их преследую. Но нет во мне ненависти к ним. Дела мои исходят из милосердия и служат всем на пользу.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Появляется Ричард Матер. Ему семнадцать лет, у него приятная внешность, несколько неуклюжие манеры. При виде Кольмена лицо его озаряется радостной улыбкой.

Ричард Матер. Добрый день, дядя Томас!

Кольмен. Я рад, мой мальчик, что мы снова примемся за нашу ботанику.

Ричард. Это чудесно!

Матер. У тебя для этого не будет времени, Ричард. Ты отстал в науках, более важных.

Кольмен. Занятия ботаникой приносят мальчику радость, и у него отличные способности к этому предмету. *(Дипломатично.)* Он унаследовал их от отца.

Матер. Надо обуздывать свои желания. Какие псалмы ты выучил наизусть?

Ричард. Десятый и одиннадцатый, сэр.

Матер. А я думал, что ты дойдешь до тринадцатого. Сейчас я занят. Ты явишься ко мне через полчаса. Тем временем учи дальше первоначальный текст. Но не переводи. Рукопись оставь у меня.

Ричард. Слушаюсь, сэр. *(Кладет рукопись на письменный стол. Уходит.)*

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кольмен и Матер.

Кольмен. Жаль, что ты не разрешаешь мальчику заниматься со мной, он увлечен ботаникой.

Матер. Он правнук Ричарда Матера и внук Инкриза Матера. Я не хочу, чтобы династия слугителей божьих в нашей семье оборвалась. Мальчик должен стать пастором.

Кольмен. Боюсь, это принесет тебе мало радости, если ты станешь его принуждать. От нас, Кольменов, он унаследовал неудержимую страсть к наукам.

Матер. Ты хочешь сказать к бунтарству. Но с этим я справлюсь.

Кольмен. Хоть бы послал мальчика в Лондон.

Матер. В Лондон? К грешникам и вольнодумцам?

Кольмен. Расцвет науки, который я встретил в Европе — и в Лондоне и на континенте, — согрел бы даже твое сердце.

Матер. Я никогда не уезжал из Бостона, и это принесло мне только пользу.

Кольмен. Ты сам часто жаловался, что сельское хозяйство ведется здесь устарелыми способами. Плуги у нас такие, как четыре тысячи лет назад. Никто не пытается разводить новые, привозные сорта овощей и фруктов. Ричард мог бы многому научиться и принести колонии большую пользу. Если ты любишь сына, ты пошлешь его в Англию.

Матер. Трудолюбие и способности суетны там, где нет благочестия и страха перед всевышним. Сатанинских искушений хватает и здесь. Для этого незачем посылать мальчика за океан.

Кольмен. Ричард создан для научного труда. У него пытливость ученого.

Матер. Каков этот мальчик, ведомо только богу. Кем ему быть, знаю я.

Кольмен. Подумай на досуге. Я надеюсь, что мы еще раз поговорим с тобой об этом, прежде чем я уеду.

Матер (недоуменно). Ты собираешься уезжать?

Кольмен, улыбаясь, кивает головой.

Ты едешь снова в Лондон?!

Кольмен. Да. Разве что серьезный разговор с тобой сделает эту поездку излишней.

Матер (пожимает плечами, снова берется за рукопись, но, передумав, обращается к Кольмену). Я тебя слушаю.

Кольмен. Что вы намереваетесь сделать для улучшения новой конституции?

Матер. Тебе должно быть известно, что я собирал свою общину, чтобы торжественно благодарить бога за возвращенную нам свободу. Сердце мое ликует по поводу достигнутого. Нужно быть злонамеренным человеком, нужно подпустить к себе дьявола, чтобы не радоваться от всей души нашей новой конституции.

Кольмен. В таком случае, многие подпустили к себе дьявола. Многие считают, что привезенные твоим отцом реформы означают потерю наших главнейших вольностей.

Матер. Корей* также нашел немало приверженцев, когда поднял мятеж против Моисея и Аарона. Он собрал двести пятьдесят приверженцев, целое войско. Но тогда разверзла земля уста свои и поглотила их.

Кольмен. Долго придется тебе ждать, пока земля поглотит нас. Но вы ведете себя так, точно она нас уже поглотила. Слышал я, что твой отец написал королю, будто жители провинции полны радости и благодарности за оказанную им милость.

Матер. Они действительно благодарны.

Кольмен. Тебя не прошибешь, Коттон Матер! Везде и всюду я вижу лишь недовольство и горечь. Мы ставили на карту свою жизнь, чтобы отстоять кусок пергамента, на котором начертана наша конституция. Но вы предали конституцию, предали и содержание и смысл ее. Неужели ты искренне убежден, что наша родина не пострадала, превратившись из «свободной колонии» в «королевскую провинцию»?

Матер. А разве не расширились мы, благодаря этому, втрое?

Кольмен (*мрачно*). Я знал человека, который заявил, что скорее умрет, чем согласится на конституцию, где были бы зачеркнуты вольности и привилегии его отчизны.

Матер (*с трудом подавляя негодование*). Если мой почтенный отец некогда и заявлял это, то он...

Кольмен (*перебивает его*). То он высказал всеобщие чувства и желания. Мы должны были добиваться утверждения старой конституции. И таково было поручение, данное нам колонией, данное твоему отцу и всем нам. Твой отец был прав, когда предпочитал смерть предложениям лондонцев. Но он не умер. Он принял новую конституцию против воли остальных делегатов и едва ли не всей колонии.

Матер (*мрачно*). Мой отец хотел вырвать у короля и его советников возможно бóльшие уступки. Только для этого он тогда покривил душой и заговорил о смерти. Это стоило ему несказанных душевных мук. Вы должны были благодарить его на коленях. Мы, Матеры, как деятели провинции, на которых взирают Англия и весь свет, вынуждены быть порой дипломатами ради блага колонии. Дабы обмануть дьявола, мы не всегда высказываем всю правду. Иногда нам приходится утаивать часть ее в сердцах наших.

Кольмен (*горько*). В этом искусстве вы преуспели. Стиснув зубы, я должен был слушать в Лондоне, как твой

отец смиренно благодарил его величество «за новые, прекрасные привилегии».

Матер. Вы опасные глупцы, ты, Кольмен, твой коллега Элиша Кук и прочие, кому дьявол влил в души яд недовольства. Вы не хотите видеть суть дела. Три долгих года после свержения диктатора наша страна жила в состоянии анархии. Истинное чудо, что мы это выдержали. Уже одно то, что теперь у нас есть авторитет власти, есть право и закон, скрепленный печатями, уже одно это превращает нашу новую конституцию в источник благодати.

Кольмен. Через каждое второе слово ты говоришь об «авторитете власти».

Матер. Нельзя управлять, нельзя поддерживать порядок, не опираясь на письма и печати. Скрижали, данные богом Моисею, вот на чем стоит мир.

Кольмен. Ты всегда ссылаешься на букву. А кто дает букве смысл? Кто толкует букву?

Матер. Те, кто для этого призван.

Кольмен. Ты и твой отец?

Матер. В том и состояла милость господня, в том и был промысел божий, что король доверил отцу моему выбор губернатора и его чиновников. Власть теперь в руках одного из надежнейших членов моей общины. Сэр Вильям — наш человек. Воистину исполнились сроки, и настало время благоволения.

Кольмен. Это и соблазнило твоего отца, этим и укротили его в Лондоне, что вручили ему власть, отнятую у народа.

Матер. Я могу терпеливо хранить спокойствие, когда ты оплевываешь меня. Но я запрещаю — слышишь ты это? — запрещаю тебе бесчестить моего отца.

Кольмен. Не будем больше спорить о случившемся в Лондоне. Лучше исправим то, что еще можно исправить. Губернатор — ваше орудие, мы принимаем это как факт. Но теперь вы хотите так подобрать состав Законодательного собрания, чтобы в нем не раздавалось ни единого неугодного вам слова. А этого мы не потерпим. Мы не потерпим, чтобы все двадцать восемь мест были отданы вашим. Все постановления новой конституции растяжимы и опасны. Нужен контроль. Вся страна хотела, чтобы Элиша Кук и я получили право голоса в собрании.

Матер (*перебивает*). Мы не желаем, чтобы на совет неправдных явились вольнодумцы и саддукеи. Мы не желаем терпеть в собрании людей безбожных и неблагодарных, людей, порочащих моего отца.

Кольмен. Если мы не добьемся права выступать в совете от имени людей, стоящих за наши старинные привилегии, мы отправимся в Лондон и будем бороться там против нас и вашего произвола.

Матер. А кто же даст вам полномочия?

Кольмен. Мы добудем деньги и полномочия от всех недовольных тем, что привилегии сохранили только Матеры, тогда как вся страна их утратила.

Матер. Берегись, Томас Кольмен! Мы справились с прежним губернатором, справимся и с вами.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Миссис Эбигейл Матер входит. Ей тридцать пять лет, это худая, незаметная женщина с миловидным, несколько бледным лицом. Увидев брата, она радостно улыбается.

Эбигейл. Как хорошо, что ты пришел, Томас! Ты останешься и разделишь с нами трапезу. Бентли прислал нам лань. А на закуску у нас превосходный палтус.

Матер снова взялся за свою рукопись.

(*Продолжает.*) Мистер Матер в последнее время так часто постился. Вот и вчера тоже. Не знаю, чем и кормить его: он так изнурен, что страшно, как бы он совсем не свалился.

Матер (*через плечо*). Дорогая, не надо об этом.

Эбигейл. Я хотела просить Томаса поесть с нами.

Матер (*снова через плечо, сухо*). Не будь навязчивой, Эбигейл, ты можешь получить отказ. У Томаса нет времени. Он опять собирается уезжать.

Эбигейл (*разочарованно*). Но ты же только что вернулся, Томас!

Кольмен. Поеду ли я, еще не решено. И никакой спешки нет. Мне хватит времени, сестра, чтобы отведать твоего палтуса.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Ричард.

Ричард (входит). Вы сказали, сэръ, чтобы я явился снова.

Матер (смотрит на часы). Верно. (Берет рукопись, оставленную Ричардом.) Начнем с одиннадцатого псалма.

Ричард медлит, смущенный присутствием матери и дяди.

Итак, спокойно приступай! Преодолей свою робость. Настанет время, когда тебе придется выступить перед сотнями прихожан.

Ричард (декламирует, сначала смущенно, затем более уверенно).

Я уповаю на бога. Слышу, как вы говорите:
Птице подобно, лети отсюда на гору господню.
Видишь, безбожники взялись за лук,
И стрела их лежит на тугой тетиве.
Целятся в правых сердцем из мрака они.

Матер пристально смотрит на Кольмена.

(Продолжает.)

Если повергнут столпы, что же праведным делать?
Но с престола небесного видит всех нас господь.
И сынов человеческих он испытует.
К праведным милостив он, но всех нечестивых
Он покарает, от них в гневе свой лик отвратив.

Матер по-прежнему смотрит на Кольмена. Кольмен встречает его взгляд еле заметной улыбкой.

Ричард, перехватив взгляды, которыми обменялись отец и дядя, внезапно сбивается и умолкает.

Кольмен (хочет помочь ему). В церкви дальше поют:

И ливень льет, и гром гремит,
И молния полыхает.
Безбожников господь разит,
За хитрость и злобу карает.

Матер. Я был бы тебе признателен, если б ты не сбивал мальчика с толку старыми текстами. Может быть, ты заметил, что в переводе я стараюсь освободить стихи от

минусных и пустозвонных рифм. Безвкусные рифмы старой церковной песни нарушают чистоту слова господня. Не думаю, чтобы слух господя радовали такие рифмы.

Кольмен (*вежливо*). Я сразу почувствовал строгость твоих стихов, ясность их мысли.

Эбигейл. Новые переложения мистера Матера завоевали множество восторженных почитателей, хотя они еще не напечатаны.

Матер. Однако, Эбигейл, члену семьи Матеров не к лицу об этом говорить. Продолжай, Ричард.

Ричард (*декламирует*).

Ливнем кровавым и громом небесным,
Бурею он...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Входит пастор Сэмюел Пэрриш. Это худощавый, среднего роста человек в сапогах для верховой езды, но в одежде священника. В доме Матера он держится подчеркнуто скромно, почти раболепно.

Пэрриш. Я сожалею, доктор Матер, что вторгаюсь к вам не вовремя. Пожалуйста, мистер Ричард, продолжайте чтение препохвального перевода доктора Матера.

Бурею он нечестивцев карает...

Матер. Подойдите ближе, друг мой. Знакомы ли вы с доктором Кольменом? Томас, это преподобный Пэрриш из Салема.

Пэрриш. До сих пор я только издали мог восхищаться нашим знаменитым ученым.

Матер. Что привело вас сюда, друг мой?

Пэрриш. Глубоко волнующее обстоятельство, доктор Матер. Не знаю, смею ли я нарушить покой вашего дома?

Матер. Печальные вести способны лишь очищать наши души от скверны.

Пэрриш. Речь идет о моей дочери Ханне.

Матер. Слушаю вас.

Пэрриш. Недели три назад наша Ханна стала жертвой каких-то странных судорог. Она смеялась, кричала, плакала. Лицо ее искажалось, тело корчилось, и его нельзя было привести в обычное состояние. Мы позвали врача.

Кольмен. Это был доктор Мейсон, не так ли?

Пэрриш. Да, это был наш добрый доктор Мейсон. Он осмотрел девочку, не нашел ничего особенного и прописал ей венецианские пилюли. На следующий день судороги возобновились, и поведение Ханны стало еще удивительнее. Обычно она послушна и делает все по первому слову. Но теперь, когда ей велели ложиться спать, она не могла раздеться, ей свело руки, и она не в силах была расстегнуть пуговицы на платье. Затем, когда нужно было умыться, руки у нее оцепенели, она не могла пошелохнуться. Мы стали молиться, но тут Ханна завопила и залилась лающим смехом, так что нам пришлось прекратить молитву.

Кольмен. Сколько лет вашей Ханне, преподобный Пэрриш?

Пэрриш. Два месяца назад ей исполнилось шестнадцать.

Матер (*слушает его с напряженным вниманием, владея собой, но все более возбуждаясь*). Продолжайте, любезный брат.

Пэрриш. Я попросил доктора Мейсона еще раз осмотреть Ханну. Он справился в своих книгах, назначил ей фитолакковое питье и митридатовы пилюли. (*С гордостью.*) Все это она изготовила сама: моя Ханна весьма сведуща в изготовлении лечебного питья и лекарств. Но ничто ей не помогало. И в конце концов доктор Мейсон высказал мысль, которой мы с миссис Пэрриш боялись пуше всего. Он сказал, что беда, постигшая нашего ребенка (*грустно и многозначительно*), не подвластна медицине.

Матер (*он сильно возбужден, но по-прежнему сдерживается*). Вы пришли к нам, преподобный Пэрриш, действительно с весьма прискорбным и важным известием.

Пэрриш. Тогда я попросил о помощи преподобного Лаусона, и мы провели с ним целый день в посте и молитве.

Матер (*нетерпеливо и властно*). Подводя итог сказанному, преподобный Пэрриш, вы опасаетесь, что вашу дочь околдовали?

Пэрриш. Не я первым высказал это мрачное подозрение, я хранил его в тайниках моей души. Первым высказал его врач, доктор Мейсон.

Кольмен. Доктору Мейсону за семьдесят лет, не так ли?

Пэ р р и ш. Да. Вот уже тридцать лет, как он практикует в Салеме. Мы ему очень многим обязаны.

М а т е р. Я знаю доктора Мейсона. Он опытный врач.

Пэ р р и ш. Вы не осудите меня, доктор Матер, за то что при подобных обстоятельствах обращаюсь к вам. Как борец с дьяволом и колдовством вы славитесь не только в нашей стране, но и во всем христианском мире.

М а т е р. Не нужно преувеличивать, любезный Пэрриш. Мою скромную книгу, пожалуй, оценили слишком высоко, третий раз издав ее в Лондоне.

Пэ р р и ш (восторженно). Что вы, доктор Матер! Одного описания дела Мерси Гудвин достаточно, чтобы обессмертить вашу книгу. Я лично могу засвидетельствовать, насколько точно это описание. Я видел сам, как тщательно и непредубежденно вы проводили обследование ребенка. Вся страна была потрясена, когда вы сумели побудить девочку назвать лицо, виновное в ее страданиях. С казнью ведьмы мучения девочки сразу окончились.

М а т е р. Да, сам господь бог благословил тогда недостойного слугу своего.

Пэ р р и ш. Я уверен, доктор Матер, что если вы займетесь моей дочерью Ханной, то и она избавится от своего несчастья.

М а т е р. Где и когда, брат Пэрриш, могу я видеть ребенка?

Пэ р р и ш. На прошлой неделе я два дня провел в посте и молитве. Ханна постилась и молилась вместе со мной, а потом я отправился в путь и взял ее с собой.

М а т е р. Вы привезли ее?

Пэ р р и ш. Она на улице.

К о л ь м е н. Странное дело! Почему же вы не привели ее сюда?

Пэ р р и ш. Она противилась. Она очень застенчива. Еще больше, чем от болезни, она страдает от того, что все теперь занимаются ею.

М а т е р. Не выйти ли мне к ней?

Пэ р р и ш. Нет, нет! Я надеюсь, что она уже успокоилась. Позвольте, я попытаюсь привести ее.

Э б и г е й л. Может быть, мне?..

М а т е р. Не надо, Эбигейл. Преподобный все сделает сам.

Пэ р р и ш уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Матер взволнованно ходит взад и вперед. Кольмен внимательно наблюдает за ним.

Матер (*останавливаясь у конторки и размышляя вслух*). Когда мой отец привез из Лондона новую конституцию, я сразу же подумал, что дьявол не останется к этому безразличным. Так и случилось. Он уже вмешивается и хочет уничтожить наше новое процветание. Отныне и маловеры должны признать, какую огромную победу одержал во имя божие отец мой в Лондоне. Печальнейшее тому доказательство — это новое появление дьявола в нашей стране.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Пэрриш возвращается с Ханной.

Ханна девушка шестнадцати лет, невысокого роста, хорошенькая, с детски доверчивым взглядом. На ней сапоги для верховой езды. Она закутана в несколько платков. Без смущения оглядывается по сторонам, затем подходит к Матеру и приседает перед ним.

Ханна. Добрый день, доктор Матер. (*Подходит к Эбигейл и снова приседает.*) Добрый день, миссис Матер.

Пэрриш. А это, Ханна, знаменитый доктор Кольмен.

Ханна. Добрый день, доктор Кольмен. А это мистер Ричард. Мне вас показали, мистер Ричард, когда вы были летом в Салеме.

Ричард (*смущенно*). Добрый день.

Эбигейл. Сними шаль и плащ, Ханна. Здесь жарко. Я слышала, что ты вчера постилась. И дорога тебя, наверно, утомила. Я дам тебе поесть.

Ханна (*сбрасывает уродующие ее платки и плащ. Она очень недурна собой, у нее простодушный детский вид*). Спасибо, миссис Матер! Благодарю вас за все. (*Больше для Матера, чем для Эбигейл.*) В вашем доме мне так хорошо, как давно уже не было нигде.

Пэрриш. Я так и знал. Единственным спасением для ребенка было привезти его сюда.

Матер. Скажите, брат Пэрриш, есть у вас подозрение? Кто мог причинить это ребенку?

Пэрриш (*нерешительно*). Есть некоторые косвенные улики, но я не хочу оказаться неосторожным.

Матер. Ваш долг — сказать мне.

Пэрриш. У меня служат двое черных, муж и жена. Женщину зовут Титуба. Два раза, когда Титуба входила в помещение, у Ханны начинались припадки.

Кольмен. Но припадки бывали у нее и без того?

Пэрриш. Да. Титуба и Ханна были всегда в большой дружбе, а теперь при появлении Титубы Ханна вдруг пошла под стол; в другой раз она забилась в темный угол возле камина.

Матер. Ханна, ты боишься Титубы?

Ханна. Нет, доктор Матер.

Кольмен. Тогда почему ты пряталась?

Ханна. Не знаю. Я не помню, чтобы я пряталась.

Пэрриш. Когда припадки проходят, она не помнит, что с ней было.

Ханна. Титуба — хорошая. Она мне часто помогала, когда я собирала целебные травы, и она показала мне много новых трав.

Кольмен. Какие это травы?

Ханна. Икотник, фитолакка, лесной мак.

Пэрриш. Обыкновенные травы, доктор Кольмен.

Матер. Много она тебе рассказывала?

Ханна. Да. Она знает много удивительных историй. Она их всем нам рассказывала.

Пэрриш. Эта женщина за всю жизнь не научилась как следует английскому языку. Половина того, что она говорит, остается непонятной.

Ханна. Я понимала ее лучше, чем другие.

Матер. Что же такое она рассказывала тебе, Ханна?

Ханна. Она рассказывала о добрых и злых духах.

Матер. Что же она говорила о злых духах?

Ханна. Она рассказывала, что могут делать ведьмы.

Матер. Что же они могут, по словам этой Титубы?

Ханна (*смотрит прямо перед собой и говорит, словно повторяя что-то нашептывания*). Они могут управлять ветром, они могут вызвать бурю и развеять ее, они могут накликасть засуху, голод и мор. Любящих они могут разлучать и соединять, женщин делать бесплодными, уничтожать урожай и отгонять рыбу от рыбацких селений. Стоит им пожелать, и они могут обратиться в животных, а потом обратно в людей. В далеких деревнях они могут украсть у крестьян

молоко, они могут сделать масло горьким, а пиво кислым. Они могут сделать так, чтобы лошади взбесились, и так, чтобы они приросли к месту. Они могут наслать нечисти на самые чистоплотные дома. Они могут топить корабли в море или сбивать их с пути, чтобы матросы погибли от голода и жажды.

Молчание.

Кольмен. Удивительно, чего только не рассказала эта чернокожая, не владеющая английским языком.

Матер. И все это, Ханна, ты слышала от Титубы? Только от нее?

Ханна. Однажды, когда отец взял меня с собой в большое путешествие и мы поехали в Плимут, в дороге тоже много говорили о ведьмах. Это было в придорожной таверне близ Пемброка. Но больше всего я слышала от Титубы.

Матер. Расскажи нам о том, что ты слышала наверняка от Титубы.

Ханна. Она говорила о повелителе злых духов. Его зовут Фар. Он с песьей, а иногда с волчьей головой. Его можно позвать, и кто его слушается и ведет себя, как он хочет, тем он помогает искать травы и показывает всякие чудеса.

Кольмен. Все негры исполнены суеверий своей родины.

Матер. Пожалуйста, не мешай ребенку говорить. Продолжай, Ханна.

Ханна. Больше я ничего не знаю. Иногда мне еще всякое приходит на память, но сейчас я не припомню.

Пэрриш. Не бойся, Ханна. Расскажи про то, как ты ходила в лес с Титубой и как она вызывала духа.

Ханна (с выражением испуга). Я уже хорошо не помню.

Пэрриш. Ты мне подробно рассказывала, у тебя обычно неплохая память.

Матер. Расскажи нам. Не бойся!

Ханна. Да, как-то раз мы с Титубой пошли в лес, и она позвала повелителя духов. Но прежде, чем он пришел, я сказала ей: «Я не выдержу, мне страшно». А Титуба всегда ласкова со мной, и она ответила мне: «Хорошо, тогда пойдем!» И мы убежали.

Пэрриш. Достоверно, что Ханна дважды в большом испуге пряталась от Титубы. Оба раза, пока Титуба находилась в комнате, Ханна не могла говорить, а несла какую-то чууху, вопила и без умолку смеялась так, что это было похоже на лай.

Матер (*укоризненно*). Вам следовало привезти с собой эту Титубу, любезный брат.

Пэрриш (*скромно и все же с гордостью*). Я принял более решительные меры, доктор Матер. Я опасался, что, оставаясь без охраны, Титуба стакнется со своим хозяином, дьяволом. Поэтому я попросил шерифа взять ее под стражу.

Ханна (*жалобно*). Но я ничего не помню. Титуба не сделала мне ничего дурного.

Пэрриш. Ханна не представляет себе, что кто-нибудь желает ей зла.

Кольмен. Девочка выглядит на удивление здоровой. Никак не скажешь, что она перенесла судороги и постилась.

Матер. Было бы греховной опрометчивостью решать этот вопрос после столь поверхностной проверки. Дорогой брат Пэрриш, оставьте девочку у меня, и я внимательно исследую ее недуг, так же как сделал это в свое время с девочкой Мерси Гудвин.

Ханна (*испуганно*). Я никогда не жила без родителей.

Пэрриш. Для всех нас будет хорошо, Ханна, если доктор Матер займется тобой. Ты в очень большой опасности, дитя мое!

Матер. Как ни тяжело для тебя, Ханна, и для твоих родных это испытание, в нем надо также видеть благословение божье, ибо господь избирает тебя своим орудием в борьбе против сил зла.

Ханна. Я столько слышала про доктора Матера, и мне было так страшно, когда мы выехали из Салема. Но теперь, в этом доме я чувствую себя хорошо и легко.

Эбигейл. Пойдем, Ханна, я покажу, где ты будешь спать. Прошу вас, преподобный Пэрриш.

Пэрриш. Нижайше благодарю вас, доктор Матер.

Пэрриш, Ханна, Эбигейл и Ричард уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Матер, стараясь подавить в себе волнение, ходит из угла в угол. Затем садится за рукопись. Он не может, однако, не поделиться своими чувствами с Кольменом.

Матер. Итак, снова в нашей стране свершился величайший грех — союз с дьяволом. Вот уже началась первая атака злых сил, и это не больше, чем пролог. Я убежден, что в Новую Англию скоро вторгнутся целые полчища демонов, чтобы свести на нет достигнутое процветание. Какое счастье, что, благодаря государственной мудрости моего отца, церковь теперь может быть уверена в поддержке светских властей. Мой друг и ученик губернатор, как и мой друг судья Сюолл окажут мне всяческую помощь в моей борьбе, в обличении хитростей сатаны и разрушении его козней.

Кольмен (*осторожно*). Припадки этой девочки не обязательно дело рук дьявола. В оценке таких исключительных явлений, о каких мы здесь слышали, часто допускалась поспешность. Со времен Реджинальда Скотта это доказано во многих книгах.

Матер. Я, разумеется, знаю эти книги. Большинство из них — скверные, пагубные сочинения, написанные не для охраны безвинных, а для защиты ведьм и всяких злодеев.

Кольмен. Прости, но здесь я не могу с тобой согласиться. Ни одна из этих книг не отрицает существования дьявола и его приверженцев. Они лишь предостерегают против того, чтобы за любым злом, имеющим естественное объяснение, непременно усматривать сатанинские когти. Когда несовершенная наука останавливается перед тем, чего не знает, она начинает кричать, что это происки сатаны и ведьм.

Матер (*с негодованием*). Меня-то ты уж мог бы избавить от столь дешевых истин. (*Достает книгу и читает из нее.*) «Каким несчастьем было бы для страны, если бы при гонениях на ведьм пролилась хоть единая капля невинной крови». (*Он протягивает Кольмену книгу, указывая на ее титульный лист.*) Знаешь, кто это написал?.. Я!

Кольмен молчит.

Я так часто устно и письменно призывал судей над ведьмами к осторожности, что еще недавно доктор Артур Вэйт

и своей книге «Призраки, как свидетели» назвал меня не больше и не меньше, как «адвокатом ведьм». А я упорно защищал свою точку зрения, согласно которой высказывания призраков надлежит рассматривать только как косвенные улики, а полноценным доказательством могут служить лишь показания, добытые от существ из плоти и крови.

Кольмен молчит.

Но здесь мы имеем свидетельницу из плоти и крови. Разве ты не видишь, сколь невинно это простодушное дитя? Ханна даже не догадывается о том, что с ней происходит. Она считает своим другом ведьму, которая ее преследует. И хотя мне сейчас уже ясен весь этот дьявольский умысел, я проведу следствие с величайшей тщательностью. Я не попадусь в ловушку сатаны. Можешь быть уверен, что и твои врачебные данные будут использованы, когда это будет нужно.

Кольмен (*спокойно и осторожно*). Я не сомневаюсь, Коттон Матер, что ты одушевлен чистосердечным желанием выяснить истину. Но именно тебе будет очень трудно вынести в наших условиях приговор, который всех убедит.

Матер (*удивленно*). Я тебя не понимаю. Ведь именно я и притом не без успеха стремился проникнуть в сущность колдовского нечестия. Почему же моему приговору можно перить меньше, чем приговорам других?

Кольмен. Скажи откровенно, ведь ты был бы жестоко разочарован, если бы оказалось, что за всей историей этого пастора и его дочери не стоит ничего, кроме воображения?

Матер. Это исключено. Но если бы все же это оказалось так, я был бы только рад, что колония не поражена этим злом.

Кольмен. Вся колония охвачена волнением из-за новой конституции. Ты это знаешь, ты чувствуешь сердцем, как недовольны люди, как они озабочены, как нарастает в них гнев. При этих обстоятельствах тебе выгоднее, если они будут бороться против ведьм и дьявола, а не против ненавистного нового порядка.

Матер (*иронически*). И выходит, я в заговоре с пастором Пэрришем из Салема против доктора Кольмена и вольнодумцев.

Кольмен. Не извращай мои очень ясные слова. Я сказал и остаюсь при своем мнении, что этот Пэрриш и его дочь появились весьма кстати для вас, Матеров.

Матер (*с трудом сдерживаясь*). Прошу тебя не говорить больше о «нас Матерах» и не касаться моего отца. (*С возрастающим волнением.*) Что я ни сделаю, во всем и всегда ты видишь происки моего отца. И если бы сюда явился сам дьявол с рогами и когтями и со своей черной книгой, ты тоже сказал бы, что это выдумка Матеров.

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Ричард, затем Эбигейл и Ханна.

Ричард (*входит*). Простите, сэр, я забыл здесь вашу рукопись.

Матер. Ты становишься рассеянным, Ричард!

Ричард краснеет, берет рукопись, хочет идти. Эбигейл входит с Ханной. Ричард остается.

Ну вот, Ханна, присядь сюда и расскажи нам спокойно об этой... как ее там... Титубе.

Ханна. Что я должна рассказать, доктор Матер?

Матер. Ты говорила о травах, которые вы искали вместе с Титубой. Смешивала ли она сок этих трав с чем-либо другим?

Ханна. Право, не знаю, доктор Матер.

Матер. А смешивая травы, она произносила заклинания?

Ханна. Она часто говорила про себя, на своем языке.

Матер. И тогда, когда выжимала сок из трав и смешивала их?

Ханна. Конечно.

Матер. Давала ли она тебе свое питье в последнее время?

Ханна. Она говорила, что знает верное средство против моих судорог. Это сок папоротника, его надо смешать с... (*Она краснеет и отворачивается.*) Я не скажу, это неприлично.

Матер. Она говорила, что ты должна смешать его с твоей собственной водой?

Ханна кивает, еще больше краснея.

Старинный прием всех ведьм!

Кольмен. Один из самых распространенных обычаев суверенных людей на всей земле.

Ханна. Титуба не сделала мне ничего дурного, доктор Матер, уверяю вас! Она уродлива, и когда она бормочет свои дикие слова и при этом корчит рожи, многие ее пугаются. Но только не я. Ко мне она всегда была ласкова. Титуба наверняка не ведьма, доктор Матер.

Матер (*ласково, но решительно*). Это будешь решать не ты, дитя мое! Везде, где мы видим одержимость и болезни от наговора, должен быть и тот, кто их вызывает. Злой дух может действовать только через загубленных им людей. Наш долг — исследовать каждую приметку.

Ханна молчит, запуганная.

Ты говорила, что тогда, в лесу, Титуба вызывала повелителя злых духов. Это было только один раз?

Ханна колеблется.

Ты все должна рассказать нам, Ханна, ты ничего не должна скрывать.

Ханна (*все еще неуверенно*). Однажды зимой, когда мы пошли через лес, чтобы сократить путь, я очень боялась волков. Мы вышли на большую поляну, которая принадлежит моему отцу. Уже смеркалось, а мы должны были снова войти в лес. И тогда я сказала: «Ах, если бы пришел кто-нибудь и защитил нас от волков». И тогда Титуба сказала: «Может, позвать его?»

Матер. И она позвала?

Ханна (*еле слышно*). Мне кажется, она тогда сказала то слово...

Матер. Говори громче, я ничего не могу разобрать.

Ханна (*немного громче*). Мне кажется, что она сказала слово...

Матер. Какое слово?

Ханна. Она тогда сказала, что есть духи, которые сосут кровь, и есть такие, которые только жалят и щиплют. Те, что сосут кровь, сильнее и опаснее. Повелитель этих

духов знает слово, которым их можно вызывать, но он требует за него большую плату.

Матер. И Титуба знает это слово? Титуба его произнесла?

Ханна. Как будто. Это было тогда, на лесной поляне, когда я очень боялась волков.

Кольмен. Что же она сказала?

Ханна. Я не поняла.

Матер. Но ты думаешь, что это было именно то самое слово?

Ханна. Как будто.

Матер. А что произошло, когда она произнесла это слово?

Ханна. Тогда Титуба сказала: «Видишь его? Вот он стоит на опушке леса».

Матер. Кто стоит?

Ханна. Она не сказала.

Матер. Но ты знала?

Ханна утвердительно кивает.

И ты его видела?

Ханна. Иногда мне кажется, что я видела там кого-то в коричневом кафтане, землистого оттенка. Но я не уверена. Когда мы пошли дальше, совсем близко от нас пробежало что-то большое, темное. Но это мог быть волк.

Кольмен. Ты бывала еще на этой поляне?

Ханна. Да.

Кольмен. И там всегда случалось что-либо необыкновенное?

Ханна. Нет. В общем — ничего.

Матер. Что это значит: в общем?

Ханна. Один раз произошло нечто очень странное, но я уже плохо помню. Когда я хочу вспомнить, все как-то расплывается в памяти.

Матер. Ты и в этот раз была на поляне с Титубой?

Ханна. Нет. Я была одна.

Матер. Когда это было?

Ханна. Это было ночью, в новолуние, было очень темно.

Кольмен. Как же ты ночью туда попала?

Ханна. Не знаю. Мне очень больно, когда я пробую
и помнить.

Матер (*подходит к ней*). Ты должна хорошенько все
и помнить, Ханна. Очень важно, чтобы ты вспомнила.

Кольмен. Как же ты вышла из дома?

Ханна (*напряженно*). Я не хотела идти. Но меня по-
гинуло туда. Я очень боялась. Меня притягивало что-то
невидимое.

Матер. Неужели ты не можешь рассказать нам об
этом подробнее?

Ханна. Я все забыла. Отцу я тоже хотела рассказать,
но не могла. Я ничего не помню. Все стало черно, я все
забыла.

Матер (*подступает к ней вплотную*). Вспомни по-
лучше, Ханна. Здесь только твои друзья. Очень важно,
чтобы ты все сказала. Важно для тебя и для всех нас.

Ханна (*с усилием*). Я хочу сказать, но кто-то сдавли-
вает мне горло.

Матер (*кладет ей руку на плечо*). Думай о господе,
Ханна! Думай усердно и всею душой о господе, Ханна!
Помнишь ли ты, как и зачем пошла в лес?

Ханна (*неуверенно*). Я думала, там будет собрание
ведьм, шабаш ведьм.

Матер. Почему ты так думала? Тебе кто-то расска-
зал?

Ханна (*страдальческим голосом*). Я не знаю.

Матер. Это Титуба тебе рассказала?

Ханна молчит.

Кольмен. Суеверные люди везде считают, что в но-
волуние носятся по воздуху ведьмы.

Матер. А Титуба сказала тебе, что она знает того,
в буром кафтане?

Ханна. Нет, не говорила.

Матер. Но слово его она знала? Вызвать его она
могла?

Ханна. Не знаю.

Матер. Что же ты видела на поляне?

Ханна. Я видела много теней. Может быть, там был
снова и тот в буром кафтане. Мне стало очень страшно и

показалось, что в руках у него книга. Но все это я помню смутно. Он двинулся прямо на меня, протягивая мне свою книгу, и кивнул мне, но меня от его приветствия прохватила озноб. Я хотела бежать и не могла: ноги мои прилипли к земле.

Матер. А потом?

Ханна. А потом я увидела три сосны.

Матер. Какие три сосны?

Ханна. Три черные сосны, похожие на священников. И тогда мне сразу стало легче, и я побежала домой.

Кольмен. Когда ты видишь деревья ночью или в сумерках, тебе часто кажется, что это люди?

Ханна. Иногда.

Кольмен. А когда ты сидишь в Салеме над ручьем, тебе не кажется, что ты слышишь голоса?

Ханна. Да. Часто кто-то говорит и кто-то поет.

Кольмен. Ты как будто сказала, что отец брал тебя с собой в поездку?

Ханна. Да. Это было большое путешествие в Плимут. Великолепное путешествие. В Ипсвиче я видела квакера у позорного столба. Шея его была кольцом притянута к столбу, и все бросали в него грязью. Я тоже. И я попала в него! А на мне была дорожная маска из черного бархата, что против солнца.

Кольмен. А ели и спали вы в тавернах?

Ханна. Да. И там я видела много людей.

Кольмен. И они рассказывали разные разности?

Ханна (с сияющим лицом). Да, они много рассказывали, и все такое удивительное. О страшных преступлениях, о морских чудовищах, о ведьмах и о невероятной пышности и богатстве.

Кольмен. И ты все хорошо запомнила?

Ханна. Я запомнила многое, и некоторые рассказы остались в памяти, словно их выжгли каленым железом. (Все больше оживляясь.) Мы видели дома, высокие, как башни, и города, в которых было по тридцати тысяч человек; люди кишели, как рыбешка в воде. Их было пятьдесят тысяч, и многие были в цветных одеждах.

Кольмен (сухо). У девочки богатое воображение!

Матер. Я был бы тебе благодарен, Томас, если бы ты доставил вести допрос мне.

Ханна (старательно, льстиво и в то же время заурно). Я хорошо запомнила разговоры в тавернах, доктор Кольмен. Я видела квакера у позорного столба в Ипсвиче, и я видела тридцать тысяч городских жителей. Они кишели, как рыба в воде, и были в цветных одеждах — это я помню хорошо. Но то, что я видела на лесной поляне в ту страшную ночь, я помню смутно.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Иходит прачка Бриджет Оливер. Это — женщина лет пятидесяти, широкая, грузная, здоровая.

Прачка. Корзинку с бельем я поставила в прихожей, миссис Матер. Пересчитайте его, пожалуйста, чтобы опять не вышло ошибки. И заплатите мне, наконец, семь пенсов. За это время вы ведь убедились, что все было верно.

Ханна при появлении прачки прячется в глубине комнаты, так что ее плохо видно.

(Замечает ее.) А, это ты, паршивая девчонка! Явилась сюда, клеветница ты этакая! Не будет вам радости от нее, миссис Матер.

Ханна. Здесь нет моего отца, и он не может меня защитить, вот вы и ругаетесь.

Матер. Если вы будете употреблять такие выражения, Бриджет Оливер, мне придется вас наказать.

Прачка. Простите, пожалуйста, доктор Матер! Но самый терпеливый человек пришел бы в ярость при виде вот этой. Сперва она теряет три носовых платка, а потом говорит, что виновата я. Я, дескать, украла платки! И она разносила это вранье до тех пор, пока мне не пришлось убраться из Салема.

На лице Ханны появляется выражение боли и страха, она пятится по сцене мелкими, судорожными шагами, издает сдавленный вопль.

Эбигейл. Что с ней?

Ханна явно хочет говорить, но не может ничего произнести. Лицо ее искажается еще больше, тело извивается, глаза скашиваются, она, как бы защищаясь, протягивает вперед оцепенелую руку.

(Пытаясь ей помочь, говорит испуганно.) Успокойся, Ханна, успокойся! (Обращаясь к остальным.) Рука у нее, как деревянная, я не могу согнуть.

Кольмен (тоже пытается помочь Ханне). Она противится.

Матер (взволнованно, с глубокой серьезностью). Не она, другой противится вам.

Кольмен. Я боюсь причинить ей боль.

Ханна (продолжая пятиться, говорит с трудом, сдавленным голосом). Они жгут меня, щиплют. А-а!..

Ричард (полный страха и бессильного сострадания). Помогите же ей, помогите!

Ханна. Теперь... душат... (Она больше не может говорить.)

Эбигейл. Томас, сделай же что-нибудь!

Ханна (внезапно поворачивает голову и впивается диким взглядом вытаращенных глаз в прачку). Она душит...

Матер (взволнованно). Совсем, как у девочки Гудвин. В точности то же, что я наблюдал уже раньше. (Он подходит вплотную к Ханне, говорит тихим, взволнованным, уговаривающим тоном.) За что она тебя душит?

Ханна. Я... не... знаю...

Матер. Ты знаешь, но боишься сказать. Не бойся! Мы с тобой, мы призываем божью помощь. Почему эта женщина тебя мучает? Чего она от тебя хочет?

Ханна (все еще говорит с большим трудом). Я... должна... мое имя... в книгу...

Матер. В какую книгу?

Ханна. В длинную черную книгу. Таковую же, как у него, на поляне... (Вскрикивает.) Не заставляйте меня говорить. Не то она меня убьет.

Матер (кладет ее по голове). Повторяй за мной, Ханна: Отче наш, иже еси на небесех.

Ханна напрягается, чтобы сказать, но не может.

Ты не можешь повторить?

Ханна. Я... я... Отче наш...

Матер. Укрепи слабого ребенка, о господи! Освети ее ликом своим, о господи! Отвори уста ее, о господи! Отвори несчастные, измученные уста ее. Повторяй за мной, Ханна: и не введи нас во искушение.

Прачка. И чего только она не вытворяет! Выдрать бы ее хорошенько. Тогда б она знала, куда девались те три палатки. Совесть теперь ее мучит, что взвела на меня напраслину.

Матер. Повторяй за мной, дитя мое: и не введи нас во искушение.

Ханна (с усилием). И не введи нас во искушение. (Судорога проходит, девочка сразу принимает прежний вид, как ни в чем не бывало осматривается по сторонам.)

Прачка. Хорошая порция розог была бы всего вернее.

Эбигейл. Ты очень измучена, Ханна?

Ханна (удивленно). Измучена? Почему? Разве что-нибудь случилось? Что же было?

Ричард. Принести ей попить?

Кольмен (берет ее за руку, слушает пульс). Удивительно! Она нисколько не возбуждена.

Матер. Это всегда так. Мгновенно все проходит, и больные уже ничего не чувствуют. Все в точности совпадает с самыми авторитетными описаниями. (Обращаясь к Эбигейл.) Уведи отсюда эту женщину.

Прачка. Да дайте же мне, наконец, мои семь пенсов, миссис Матер!

Эбигейл. Идем! (Остальным.) Ужин скоро будет готов.

Уходит с прачкой.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же, без Эбигейл и прачки.

Матер. Она причинила тебе сильную боль, Ханна?

Ханна. Кто? Кто мог причинить мне боль?

Кольмен. Чтобы держать все тело в скрюченном состоянии, нужно большое напряжение.

Ричард. Это было ужасно.

Ханна (внимательно смотрит на Ричарда). Я видела вас в Салеме, мистер Ричард. Но я не знала, что вы такой взрослый.

Ричард (неуклюже). Мне очень жаль, мисс Ханна, что вы так мучаетесь.

Кольмен. Значит, у тебя, Ханна, была серьезная рли-молвка с Бриджет Оливер?

Ханна (*злобно*). Она украла платки, а потом говорили, что это я их потеряла.

Кольмен. Нашлись ли платки потом у этой женщины?

Ханна. Не знаю.

Кольмен. Откуда же ты знаешь, что она их украла?

Матер. Знакомы ли друг с другом Титуба и прачка Оливер?

Ханна. Конечно. Кто же в Салеме не знал прачку Оливер?

Кольмен. Девочка со столь развитым воображением легко может впасть в судороги, если увидит старого врага, который вдруг входит и начинает ругать ее. Правда ли, что Бриджет Оливер из-за этой истории с платками пришлось покинуть Салем?

Ханна. При каждой встрече она орала и поносила меня. Отец не мог этого допустить. (*Тихо, испуганно*.) Она опять тут. Она меня пришьет.

Матер. Где она?

Ханна. Там, у камина. Она подходит ко мне.

Кольмен (*направляется к камину*). Здесь никого нет.

Ханна. Рядом с вами, справа от вас. Вы же должны ее видеть!

Кольмен. Галлюцинация!

Матер. Остановитесь, Бриджет Оливер. Именем господним заклинаю вас: покиньте комнату.

Ханна. Она не хочет уходить. Она ударит меня. Вы же должны ее видеть.

Ричард (*следит за лицом Ханны, смотрит в направлении ее взгляда, вскрикивает потрясенный*). Я вижу ее! Мне кажется, я ее вижу!

Матер. Уходите, Бриджет Оливер, или тот, кто принял ее облик. Во имя господа: покиньте комнату!

Ханна (*облегченно вздыхает*). Благодарю вас, доктор Матер! Вы прогнали ее.

Матер (*шагает взволнованно взад и вперед, потом говорит решительным тоном*). Нельзя допустить, чтобы эта женщина ходила на свободе. Ее нужно основательно допро-

Я скажу судье Сюоллу, пусть он издаст приказ об аресте. (Идет к конторке, пишет.)

Ханна (тихо). Теперь она получит!

Кольмен. Дважды обдумай это, Коттон Матер!

Матер пишет.

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Те же и Эбигейл.

Эбигейл (возвращается). Ужин готов. Прошу к столу.

Ханна (по-детски). Ох, как я проголодалась!

Матер (пишет). Идите, я сейчас.

Эбигейл (укоризненно). Ты снова хочешь поститься. Не надо. Ты себя доконаешь!

Матер. У меня дело, Эбигейл. Я, наверно, еще приду к столу. А вы приступайте, прошу вас!

Эбигейл, Ханна и Ричард уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Кольмен и Матер.

Кольмен. Могу ли я спросить, что ты там пишешь?

Матер. Заношу в протокол все, что здесь было сказано и сделано.

Кольмен. Роковой шаг готовишься ты совершить!

Матер (продолжая писать). Ни протокол, ни приказ об аресте не решают. Решение в руках судей, и я непременно буду напоминать им, чтобы они не доверялись зыбким, ненадежным свидетельствам, чтобы они проверяли каждое показание до мелочей.

Кольмен (с горечью). Так или иначе, в колонии в ближайшие месяцы будет больше разговоров о всякой дьявольщине и колдовстве, чем о недостатках новой конституции.

Матер (смотрит на него, говорит печально и многозначительно). Твои сокровенные мысли опаснее самого дьявола.

Кольмен пожимает плечами, уходит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

М а т е р, один.

М а т е р (*пишет, листает книгу. Снова пишет. Достает другую книгу, листает ее*). Все точно, как в книгах. (*Молится.*) О господи, мы переплыли бурное море, во имя чистоты учения твоего, и ты был с нами. Ты дал нам силу в борьбе против свирепых индейцев. Ты помог нам против безбожного тирана губернатора и его развращенного короля. Поддержи нас, господи, и в той ожесточенной борьбе, в которую мы вступаем. Ты дал отцу моему основать божью страну твою на законе Моисеевом. Даруй же нам победу в споре против врага, невидимого и сверхъестественного, против лукавого, угрожающего твоей стране, против дьявола. (*Опускается на колени.*) Господи, ниспошли мне силу и смирение. Не ослепи разум усердного слуги твоего, дабы не зрел он зла там, где нет его. (*Истово молится.*) О господи, ты ликуешь, карая врагов твоих. Сделай же, чтобы посрамлены были враги твои, но не я, слуга твой. (*С пламенным жаром.*) Сделай так, о господи, чтобы я открыл глаза другим, чтобы поняли все, что девочка одержима, а эта чернокожая и эта Оливер — ведьмы. (*В величайшем экстазе.*) Не дай посрамить слугу твоего, о господи!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Эбигейл, Кольмен.

Эбигейл. Он еще не вернулся. Люди с захваченного пиратского судна нуждаются в духовном утешении, и он отправился к ним в тюрьму.

Кольмен. Коттон вызвал меня, чтобы я был при допросе пастора Берроуза.

Эбигейл. Эти допросы изматывают его.

Кольмен. После ужасной истории с Джайльсом Кори мне казалось, что хуже ничего быть не может.

Эбигейл (*не желая понимать его*). Да. Дьявол поднял голову в нашей стране.

Кольмен. На старика стали наваливать камни, все больше и больше камней, и задавили его на смерть, потому что ему не в чем было сознаваться. Я никогда в жизни не видел ничего ужаснее.

Эбигейл (*раздраженно*). У судей осталось, кажется, право допрашивать подозреваемых.

Кольмен (*не без горечи*). Очевидно, никто и не отнимает у них этого права.

Короткая пауза.

Я не могу понять, почему подозревают пастора Берроуза. Мистер Пэрриш из Салема будет радоваться. Его враги падают один за другим.

Эбигейл (*наивно*). Разве пастор Берроуз и пастор Пэрриш во вражде?

Кольмен. Патнемы изгнали Берроуза из Салема, прибегнув к весьма сомнительным средствам. Они сделали это, чтобы очистить место своему родственнику, пастору Пэрришу. Это было девять лет назад. Тогда в колонии только об этом и говорили. В Салеме и сейчас многие мечтают о возвращении Берроуза.

Эбигейл. Мистер Матер постится теперь два раза в неделю. Вот и сегодня также, вместо того чтобы сохранить свои силы для этого допроса.

Кольмен. Нелегко дается ему борьба с дьяволом. Уже четырнадцать ведьм и колдунов отправил на тот свет Коттон Матер, а дьявол все не отступает с поля боя.

Эбигейл. Я не должна тебя слушать. У тебя для Матера на языке всегда издевательства и колкости.

Кольмен. Под солнцем его славы разрослись, подобно сорнякам, его опасные прихоти.

Эбигейл. Еще в школе ты был его врагом.

Кольмен. Я ему не враг. Но я не могу молча смотреть, как преследуют невиновных.

Эбигейл (*запальчиво*). Ты утверждаешь, что осужденные не занимались колдовством?

Кольмен. Всего страшнее, Эбигейл, приемы этих судебных разбирательств. Вешают тех, кто пытается доказать свою невиновность, и даруют жизнь тем, кто признается в колдовстве и доносит на других. Это явно противоречит человеческому разуму.

Эбигейл. А как же тогда обнаружить ведьм?

Кольмен. Этот вопрос и я задаю себе.

Эбигейл. Губернатор и Законодательное собрание выбрали для особой судебной палаты лучших людей. Или, по твоemu, Корвин и Хоторн, Стоутон и Сюолл — недоумки?

Кольмен. Они ослепленные и запуганные люди. Судить самостоятельно — чрезвычайно трудно, когда вокруг нет никого, кто бы мыслил свободно.

Эбигейл. Ты не хочешь видеть, Томас, с какой серьезностью Коттон добивается истины. Он бичует и мучает себя, он не перестает молить бога о просветлении. Твердость в борьбе с ведьмами стоит ему огромных усилий.

Кольмен. Но он преуспевает.

Эбигейл. Ты несправедлив к нему, Томас. Сердце его полно милосердия. Ни тяжесть работы, ни дальность рас-

стояния никогда не пугают его, если нужно отнести целебную траву больному.

Кольмен. Хорошо, Эбигейл, что ты не видела ни одной казни. В противном случае, ты думала бы иначе.

Эбигейл молчит.

Ты не видела этих людей, стоящих под дубом, на котором их будут вешать. Они читают «Отче наш» и не могут понять, что происходит. И при последнем вздохе они говорят: «Я не виновен». Среди них была Марта Кори, милая старая женщина. Когда она прочла молитву, не было человека, которого это не потрясло. И только он, твой Коттон Матер, оставался спокойным. «Это хитрость дьявола гласит ее устами», — сказал он, когда она умирала. И этим вопросом ней был для него исчерпан.

Эбигейл (в ужасе). Томас, куда заведет тебя твоя дикая злоба? (Пытается наскоро припомнить свои доводы.) Ведь если осужденные женщины не были ведьмами, то усерднейшие слуги господни — лжецы и убийцы. (Повышая голос.) Тогда и библия, и закон — чистейший вздор. И если не существует дьявола, не существует и бога.

Кольмен. Бог существует, существует и дьявол, но он выглядит иначе, чем представляет себе Коттон Матер.

Эбигейл (тихо, настойчиво). Ты отрицаешь существование дьявола, Томас? Ты отрицаешь, что существуют ведьмы?

Кольмен (осторожно). Я никогда не говорил ничего подобного. Я никогда не говорил, будто не существует ведьм. (С внезапной решимостью.) Впрочем, нет! Скажу! Когда-нибудь же надо сказать! Ведьм, действительно, не существует. Все это бред, безумие. Кровавое безумие. (Он глубоко вздыхает.) Ну, вот я и сказал. Но ты должна сейчас же забыть мои слова. Я ничего не говорил. Вот до чего мы дошли: брат не смеет открыть сестре свои истинные мысли!

Эбигейл (в слезах). Жизнь тяжела, Томас. Кажется, что в году много тысяч дней.

Кольмен. Мы с тобой, Эбигейл, не стали моложе.

Короткая пауза.

Я не должен был тебе этого говорить. Не должен был укреплять в тебе сомнения.

Эбигейл. У меня нет никаких сомнений. Он прав во всем, и эта Ханна действительно бесноватая. Но... (Умолкает.)

Кольмен. Но что же?

Эбигейл. Иногда, когда Матер постится, он призывает к посту и ее. Она соглашается набожно и смиренно. Но позже я видела, как она ела тайком кусок солонины. И, конечно, она иногда лжет. Однажды он уличил ее во лжи и сурово упрекал. Она ревела и была подавлена, но я знаю — она не раскаялась.

Кольмен. Я не спрашивал у тебя, Эбигейл... Но раньше, если у тебя что-нибудь не ладилось, ты сама приходила ко мне. Скажи, Эбигейл, между вами все так же, как прежде?

Эбигейл (говорит с трудом). Он спит теперь один. Говорит, что не смеет отвлекаться.

Кольмен (указывая на письменный стол). Что это за ветка, которую он здесь положил?

Эбигейл. Ее принес Ричард. (Неуверенным тоном.) Она с того дуба.

Кольмен. На котором их вешают?

Эбигейл. Раз десять в день, когда Коттона нет дома, Ричард заходит сюда, смотрит на ветку, трогает ее. Коттон похвалил его за то, что он принес в дом это напоминание.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Входит Ричард. Он, видимо, рассчитывал, что в комнате никого нет, и смущается, увидев мать и дядю.

Ричард. Я хотел спросить отца, будет ли он сегодня со мной заниматься?

Кольмен. Ты прилежный мальчик, Ричард!

Ричард. Доктор Матер хочет, чтобы я многому научился. Доктор Матер говорит: если человеку не дается какая-нибудь отрасль знания, тем более надо ее одолеть.

Кольмен. Жаль, что у тебя теперь нет времени для ботаники.

Ричард. Да, жаль.

Кольмен. А на поездки в Салем, чтобы изучать этот дуб с его плодами, тебе хватает времени?

Ричард. Этого желает доктор Матер.

Эбигейл. Оставь мальчика в покое, Томас!

Кольмен. Скажи мне, когда осужденные клянутся в своей невиновности, хотя могли бы признанием спасти себе жизнь, это, наверно, оставляет сильное впечатление?

Ричард. Дьявол могуч. Он крепко держит их в своих когтях и заставляет говорить угодное ему. Но когда берет слово отец, дьявол смолкает.

Кольмен (с едва уловимой иронией). Да, Коттон Матер — великий оратор.

Ричард (восторженно и задорно). Величайший в стране. И заметьте — это не просто далось ему. Доктору Матеру пришлось бороться упорнее, чем Демосфену, чтобы избавиться от недостатка речи.

Кольмен. А как идут твои занятия риторикой?

Ричард (его энтузиазм гаснет). Кажется, я не гожусь для публичных речей.

Кольмен. Быть может, такова воля провидения, чтобы лишь три поколения Матеров дали стране ее духовных вождей.

Эбигейл уходит, рассерженная.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Кольмен и Ричард.

Ричард. Мы обидели мать.

Кольмен. Это я обидел ее, мой мальчик! Но я не мог иначе. Я вспомнил, каким ты был до моего отъезда в Лондон! Ты был полон воодушевления, когда дело шло о наших занятиях, и полон протеста против суровой профессии, которую для тебя выбрали.

Ричард. Препятствия на моем пути ничтожны сравнительно с теми, которые преодолел доктор Матер. Вы сами рассказывали, что мальчиком он не мог договорить ни одной фразы, чтобы не заикнуться.

Кольмен. Твой отец беспощаден и к себе и к другим.

Короткая пауза.

Не всякому дано отправить стольких людей на виселицу.

Ричард. Тот, кто хочет служить господе, не должен размягчать сердце.

Кольмен. Ричард, я говорю с тобой, как старший с младшим. Скажи мне честно: призывает ли тебя внутренний голос стать священником?

Ричард. Отец не разрешает мне думать иначе, чем он.

Кольмен. Я не верю, чтобы, став пастором, ты мог быть счастлив. И я не верю, чтобы, создавая человека, бог обрек его на несчастье.

Ричард. Воля божья неисповедима. Но назначение человека — служить господу и славить его.

Кольмен. Через неделю-другую я уеду в Лондон. Там веет свежий воздух, и там открыты широкие пути для изучения науки. Хочешь поехать со мной?

Ричард (*просияв*). Вы в самом деле хотите?..

Кольмен. Из тебя выйдет ученый. Возвратившись, ты будешь ясным взором смотреть на мир и людей.

Ричард (*угасает*). Доктор Матер скажет «нет». Поехать было бы великой радостью. А избыток радости — грех.

Кольмен (*насмешливо*). Ты мог бы захватить дубовую ветку с собой, чтобы не утратить из памяти ад.

Ричард. Дядя Томас, отчего вы так враждебны к моему отцу?

Кольмен. Оттого, что он всех вас лишает разума своей жестокостью и мракобесием.

Ричард (*злобно*). Мой отец никого не лишает разума. Но дьявол подстрекает многих на борьбу против него.

Кольмен. Уж не думаешь ли ты, что я хочу завлечь тебя в сети сатаны?

Ричард, в ожесточении, хочет говорить, но не может. Выбегает из комнаты.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кольмен, один. Берет со стола дубовую ветку и с отвращением бросает обратно, затем берет толстую рукопись Матера, взвешивает ее на руке и, покачав головой, кладет на место. Входит Ханна.

Ханна. Доктор Матер велел мне прийти к этому времени. (*Хочет удалиться.*)

Кольмен. Останься. Разве ты меня боишься?

Ханна (*бойко*). Если я не поддаюсь самому дьяволу, мне нечего бояться людей.

Кольмен. Ты знаешь пастора Берроуза, с которым у тебя будет сегодня очная ставка?

Ханна. Конечно, знаю.

Кольмен. Пэрриши, кажется, не в дружбе с Берроузами?

Ханна. Зачем вы мне это говорите?

Кольмен. Ты быстро возбуждаешься, когда видишь кого-нибудь, кого ты не любишь. Ты и вправду не боишься очной ставки?

Ханна. В присутствии доктора Матера лукавый мне ничего не сделает.

Кольмен. Была ли ты еще за последнее время на заколдованной поляне?

Ханна. Доктор Матер не любит, когда я отвечаю на вопросы другим.

Кольмен. А жаль! Ты хорошо рассказываешь. И по твоему лицу видно, что тебе приятно, когда тебя слушают. Разве не так?

Ханна. Бывает, что мне очень трудно рассказывать. Когда я говорю что-либо неприятное дьяволу, ведьмы и злые духи принимаются мучить меня, чтобы я замолчала.

Кольмен. Но ты не обращаешь внимания на боль и все-таки говоришь?

Ханна. Мне помогает молитва доктора Матера. Доктор Матер говорит, что я избрана богом.

Короткая пауза.

Кольмен. Люди из Салема рассказывали, что был случай, когда тебя публично позорили за то, что ты подкрашивала щеки.

Ханна. Я смешала уксус и грушевый сок с молоком и умыла этим лицо. Я признала свой грех и покаялась в нем. Воспользоваться этой смесью мне посоветовала Титуба.

Кольмен. Ты веришь, что Титуба была колдуньей?

Ханна. Священники и судьи признали ее виновной. Они мудрее меня.

Кольмен. Она была повешена после твоих рассказов.

Ханна. Я рассказывала, потому что меня принудили. Я ничего не имела против Титубы.

Кольмен. Ну, а против прачки Оливер ты кое-что имела?

Ханна. Она не плакала, когда ее вешали. И это еще одно доказательство, говорит доктор Матер. Ведьмы не плачут. А многие слышали еще, как она говорила, что будет мучить меня и после своей смерти. Так она говорила даже под дубом.

Кольмен. Когда ее вешали, я стоял совсем рядом, но я слышал только, как она читала «Отче наш».

Ханна. Даже в своем последнем «Отче наш» она сделала ошибку, потому что была ведьмой. Это тоже слышали многие.

Кольмен (слегка насмешливо). И ты бы, наверно, услышала, если б тебе разрешили там быть.

Ханна злобно смотрит на него.

(Подходит к ней, меняет тон, говорит дружелюбно.) Ты хорошо рассказываешь, и ты это знаешь. Не могла бы ты ограничиться рассказами о твоём путешествии, о том, что ты слышала в тавернах и на корабле? Ведь и тогда тебя охотно будут слушать. Понимаешь ли ты, что после твоих рассказов о заколдованной поляне гибнут люди?

Ханна. В писании сказано: «Ведьму не оставляй в живых». Так говорит доктор Матер.

Кольмен. Умирать с веревкой на шее нелегко. Сотни людей с ненавистью смотрят на осужденного. Представь себе это, Ханна. Ведь у тебя хорошее воображение.

Ханна. Что же мне — лгать, когда меня призывают во имя господне бороться против дьявола?

Кольмен. Неужели ты ясно видела Бриджет Оливер тогда на поляне, во время шабаша ведьм? И других — Ребекку Нерс и Мэри Исти, и Джона Проктора и как их всех звали?..

Ханна. Конечно, я видела их.

Кольмен. Вот этими самыми глазами?

Ханна. А как же? Иначе я бы не сказала.

Кольмен. Но ведь ты не всегда убеждена, точно ли то были они? Их имена не всегда приходят тебе на память?

Ханна (осторожно). Бывает, что дьявол отнимает у меня память. Но когда меня спрашивает доктор Матер, я всегда узнаю их лица и тотчас вспоминаю имена. Только

раз я не могла вспомнить имени. Но тогда доктор Матер обратился к моей совести и сказал, что я попаду в ад, если не назову ему имя.

Кольмен. И ты назвала?

Ханна. Да, я назвала.

Кольмен (*быстро*). И это было настоящее имя или первое пришедшее тебе на ум?

Ханна. Я не позволю меня ругать. Сначала меня ругал доктор Матер за то, что я не хотела говорить, а теперь ругаете вы за то, что я говорила.

Кольмен (*хватает ее за плечо*). Ханна, ты не глупа. Ты хорошо знаешь, о чем идет речь, и что я имею в виду. Ты кажешься себе очень важной особой, потому что многие значительные люди прислушиваются к твоим словам и потому, что ты держишь в руках жизнь многих людей. Я не хочу сказать, что ты лжешь. Но подумай, действительно ли ты видела всех этих мужчин и женщин или тебе только кажется, что ты их видела.

Ханна (*злобно*). Доктор Матер говорит, что это хитрости и искушения дьявола.

Кольмен. И значит люди, которые в последние минуты жизни клялись в своей невинности, лгали все, как один?

Ханна. Сам сатана лгал их голосом. (*Гневно*.) Я больше ничего не скажу. Ни единого слова! Это святой подвиг идти сквозь геенну огненную и не слабеть духом, это стоит многих мучений, а вы приходите и ругаете меня.

Кольмен. Подумай еще, Ханна! Оттого, что ты скажешь: мне кажется, что я видела их на поляне, или скажешь: я их видела — зависит участь многих. Это вопрос жизни и смерти.

Ханна. Но я их видела. (*После короткой паузы*.) Жизнь в Салеме была нелегкой, и всем постоянно мерещился ад. Но если бы я сказала, как вы того хотите, что я лгала, для меня ад настал бы уже на земле. (*Умно не по возрасту*.) А кроме того, никто бы мне не поверил. Они бы только сказали: «Теперь дьявол заговорил устами Ханны».

Кольмен (*долго смотрит на нее, потом говорит*). Несчастное существо! (*Уходит*.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Ханна, затем Ричард.

Ханна (одна). «Несчастное существо!» Тьфу! (Осторожно берет ветку с письменного стола, держа перед собой, рассматривает с бессмысленной улыбкой и кладет на место. Садится в кресло Матера за столом, читает рупопись, улыбается.)

Входит Ричард.

Ханна поспешно вскакивает.

Ричард, не зная, что делать и говорить в присутствии Ханна, хочет уйти.

Вы боитесь заговорить со мной?

Ричард. Вы столько пережили, мисс Ханна, а я — ничего. Вам должно быть скучно со мной.

Ханна. Это я много пережила? Я ничего не пережила, решительно ничего. Что было в моей жизни? Пение псалмов и проповеди, пост и снова пение псалмов, и это бесконечное, молчаливое воскресенье, и «Жизнь есть юдоль печали», и «Смерть сторожит за углом». И всегда одно и то же: долг, долг, и всегда перед тобой картина преисподней и адского огня. Все в моей жизни было серым и черным, черным и серым, и мне казалось, что я уже сто раз умерла от окружающей пустоты.

Ричард. У вас были видения, у вас была страшная борьба с дьяволом. Ничего страшнее не может пережить человек.

Ханна. Даже на казни мне не дают посмотреть. А ведь именно меня мучили злые духи. Расскажите мне, мистер Ричард, как эти падшие искупают свои преступления?

Ричард. Страшно видеть людей, повешенных на ветви дуба! И когда я думал, что их ждет в аду еще большая кара, меня пробирал озноб. Но увидев впервые такую казнь, я понял, что готов пойти еще и еще раз, даже без приказа доктора Матера. (Медлит, подыскивая слова.) Это притягивает.

Ханна. Вы, мистер Ричард, умеете хорошо говорить о том, что вы видели. Вы будете таким же важным человеком, как ваш отец.

Ричард. Вы хотите, чтобы я стал таким, как отец?

Ханна. Не знаю. Почему вы так на меня смотрите?

Р и ч а р д. Я часто думаю о том, что творится в вашем мозгу, с какими ужасами вам пришлось бороться.

Ханна (*смотрит на него в упор, говорит медленно*). Только с того времени, как я попала в ваш дом, я начала жить.

Ричард встречается с ней взглядом, краснеет, отворачивается, снова смотрит на нее.

(*Едва заметно улыбается, говорит иносказательно*.) Вот у вас один череп, а у нас мертвый череп стоит незримо в каждой комнате. (*Она медленно отводит взгляд от Ричарда и подходит к черепу*.)

Короткая пауза.

Р и ч а р д (*за ее спиной*). Когда тот, в буром кафтане, протягивал вам книгу, разве не влекло вашу руку поставить свою подпись? Разве это не было великим искушением?

Ханна (*все еще стоя перед черепом. Говорит, не глядя на Ричарда*). Должна признаться, я бы с охотой заглянула в эту черно-красную книгу.

Р и ч а р д. Разве она черная с красным? Вы говорили, что она черная.

Ханна (*быстро оборачивается, говорит раздраженно*). Вы всегда так недоверчивы и придирчивы? Вы считаете меня лгуньей?

Р и ч а р д (*жестами заверяя ее в обратном*). Нет, нет!

Короткая пауза.

Я только удивляюсь, как хорошо вы помните все подробности.

Ханна. Значит, вы сомневаетесь?

Р и ч а р д. Мне кажется, что вы — поэтесса, мисс Ханна. Когда вы рассказываете, как в Салеме вы играли с детьми в крестный ход или в бичевание квакеров, или в наказание у позорного столба, или в шабаш ведьм, все это ясно видишь перед собой.

Ханна. Так вы считаете меня поэтессой, мистер Ричард?

Р и ч а р д. Мне кажется, мисс Ханна, что вы можете мыслить мыслями других людей, действовать их руками,

чувствовать их чувствами. Я верю тому, что вы говорите, — верю, как прочитанному у Гомера или у Вергилия.

Ханна. Вы так много читали, так много учились!

Ричард. Девушка тоже должна многому учиться.

Ханна. Многому и ничему. Печь хлеб и стряпать, прясть, ткать и красить нитки, варить пиво, вязать метлы, искать травы.

Ричард. В травах разбираюсь и я.

Ханна. Находить травы и готовить из них целебное питье — это мое любимое занятие. Я умею готовить сок фитолакки и капли от подагры, и венецианские пилюли. Доктор Мейсон говорит, что лекарства получаются у меня лучше, чем у него.

Ричард. Удивительно! У вас такие обычные, такие повседневные дела, а потом — такие необычайные переживания.

Ханна. Скажите честно, мистер Ричард: вы мне верите?

Ричард. Когда я вас вижу и слышу, я вам верю.

Ханна. А когда меня нет, вы сомневаетесь?

Ричард (*поспешно*). Нет, нет! (*Медленно, искренне*.) Тогда я обдумываю все, что вы сказали, и не все у меня сходится.

Ханна (*резко*). Это вам другие внушили, будто я лгу.

Ричард молчит.

Кто вам сказал? Наверно, ваш дядя, этот злой человек, который так меня не любит. Кому вы больше верите: ему или отцу?

Ричард. Я верю вам, мисс Ханна!

Ханна. Всегда?

Ричард (*помедлив, искренне*). Почти всегда.

Ханна. Он завидует мне, этот доктор Кольмен, потому что я избрана всевышним. Но пусть он остережется. Я могу сделать больше, чем он думает.

Ричард. Он великий врач и желает людям добра.

Ханна. А я не желаю людям добра, но я избранница, а он мой враг. Все меня ругают, все за мной подглядывают, а теперь даже вы мне не верите! Мне тяжело. Но по крайней мере на меня обращено общее внимание, на меня смотрит вся колония, и когда я говорю, от моих слов расходятся

круги, как на воде, если бросить камень. Знаете вы балладу, которую сочинили обо мне и о ведьмах? Она продается повсюду.

Р и ч а р д. Я не очень высоко ставлю народные стихи.

Х а н н а. Это хорошая баллада. *(Становится в позу и начинает декламировать с бессмысленной и самодовольной улыбкой.)*

Эй, господа! Сюда, сюда!
Послушайте рассказ:
Какое зло произошло
Здесь в Салеме у нас.

Жила в селенье, у реки,
Хозяйка Оливер,
Лихой удел ее постиг,
И это всем пример.

Была колдуньей Оливер,
Подружкой сатаны.
Все женщины из-за нее
Несчастливы и больны.

Девушка Пэриш больше всех
Терпела горьких мук,
Когда не корчило ее,
Душил ее недуг.

Предстала ведьма пред судом,
Но, на глазах у всех,
Она лгала, врагов кляла
И отрицала грех.

«Поверьте мне! Ах, я прошу
Пощады у суда!
Не причиняла я вовек
Той девушке вреда!

Не виновата я ни в чем,
Не страшен мне допрос.
Свидетелем да будет мне
Господь Иисус Христос!»

Так, богохульствуя, клялась
На Библии она,
Народ видал, как ей шептал
Советы сатана.

А ведьма вновь: «Ошибся суд,
Невинную виня!»
И все твердит: «Исус простит
Терзающих меня!»

Семь дней рыдала Оливер,
А утром на восьмой
Ее повесили, и всем
Она дала покой.¹

Р и ч а р д. Вы отважная девушка, раз вы сами читаете эти стихи.

Х а н н а (*гордо*). Мною все интересуются, не только простонародье. Мною все занимаются. (*Она подходит к столу и берет рукопись Матера.*)

Р и ч а р д. Что вы делаете?! Ведь это рукопись доктора Матера.

Х а н н а (*листает рукопись без всякого смущения*). Да, вот и доктор Матер пишет обо мне. Это его «Большая история Америки», и в ней он пишет про меня. (*Читает.*) «Когда у нее начинается приступ, движения ее становятся неестественными. Ее тело извивается на манер, совершенно невысказанный для человека, пребывающего в нормальном состоянии. Она обретает сверхъестественную силу... Сила этой околдованной Пэрриш...» (*Она поднимает взгляд, говорит горделиво.*) Это я — околдованная Пэрриш. «...на много превосходит обычную, нормальную человеческую силу». И так далее, целых четыре страницы. (*Она вполголоса читает дальше, затем начинает раздражаться.*) Нет, этого он не должен был писать! Это просто неверно. Вовсе я не пугающе уродлива, не уродлива даже тогда, когда меня терзает сатана. Нет, этого не должно быть в книге. (*Она комкает листы и бросает их в огонь.*)

Р и ч а р д (*в паническом страхе*). Что вы делаете? (*Он сует руку в огонь, чтобы спасти тлеющие листы. Это ему*

¹ Перевод баллады — Е. Эткинда.

удается. Кладет листы на место. Затем, подавляя стон, разглядывает свою обожженную руку.)

Ханна (подбегает к нему, говорит озабоченно). Ах, Ричард! Я совсем не хотела. Я ужасно огорчена. Не следовало мне так делать. Не сердитесь на меня. Почему вы не дали листам сгореть? Доктору Матеру нетрудно написать эти страницы заново.

Ричард. Мне не больно. (Старается преодолеть боль.) Вы не знаете, как важны эти листки. Доктор Матер сразу заносит все на бумагу, слово в слово. Он пишет совершенно точно, чтобы его отчет был вполне надежен. А теперь... (Он больше не может говорить, стонет.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Матер.

Матер (входит). Что здесь такое? Что случилось?

Ричард (с трудом). Я обжег руку.

Матер (смотрит на обгорелые листы). Что такое? Кто хозяйничал на моем столе?..

Ричард и Ханна молчат. Он смотрит на них поочередно. Его охватывает невероятный гнев.

Кто трогал мой труд?.. (На миг лишается дара речи.)

Ричард. Я нечаянно задел его, махнув рукой, и несколько листов упало в камин.

Матер. Ты осмелился притронуться к моей рукописи? (Угрожающе наступает на него.)

Ханна, которая слушала с напряженным вниманием, не спускает глаз с Ричарда.

Ричард (слегка отступая). Я...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Эбигейл.

Эбигейл (входит). Что случилось? Ричард! Ты бледен, как смерть. Что с твоей рукой?

Ричард. Это — ожог.

Эбигейл. Идем на кухню, надо перевязать руку. Как удачно, что здесь дядя Томас. Надо немножко масла...

Матер *(теперь тоже встревоженный)*. Масло?! Ни в коем случае!..

Ханна. Миссис Матер, приложите муку, разведенную водой. Это непременно поможет.

Эбигейл уходит с Ричардом.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Матер и Ханна.

Матер. Ханна, ты была, когда Ричард?..

Входят судья Сэмюел Сюолл и пастор Пэрриш Судья человек лет пятидесяти, спокойный, осанистый.

Судья. Больше, чем когда-либо, я рассчитываю на ваш совет и помощь, доктор Матер. Тяжелая ответственность — выступить против слуги господнего, заподозренного в чудовищнейшем из преступлений, в какие может впасть христианин и пуританин.

Пэрриш. Нелегко мне было заставить себя обвинить брата во Христе в столь ужасающем преступлении.

Матер. Я приуготовил себя постом и молитвой, дабы господь охранил мой разум от помрачения.

Судья *(заглядывая в принесенный им документ)*. Я вкратце изложу вам все, что показалось мне важнейшим в протоколах. Прошу вас, доктор Матер, поправьте меня, если я допущу ошибку. Итак, Джордж Берроуз, окончивший курс Гарварда, был с восьмидесятого по восемьдесят третий год пастором в селении Салем. У него возникли денежные затруднения, он не мог возратить своих долгов семье Патнем и оказался вынужденным покинуть Салем. Затем был пастором в Каско-бэе и в последнее время — в Фалмуте. Он третий раз женат и отец семерых детей. Преподобный Пэрриш был немало удивлен, услышав, как дочь его Ханна во время припадков стала называть имя его предшественника в недобром и подозрительном смысле. Однако он молчал. А затем...

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Входит К о л ь м е н.

Судья прерывает свою речь.

Кольмен знаками просит его продолжать.

Судья (*продолжает*). А затем имя Берроуза начало появляться при допросах уличенных и признавшихся ведьм. Из протоколов судей Хоторна и Корвина явствует следующее: околдованные дети Энн Патнем, Элизабет Хаббард и Сара Виббер показали, что мучит их не кто иной, как Джордж Берроуз. Другие свидетельницы сообщили, что первые две жены Берроуза явились пред ними в ночи, чтобы сказать, что они убиты своим мужем. Другие же свидетельницы, и в особенности Эбигейл Хоббс, показали, что видели Берроуза как вожака на шабаше ведьм, происходившем в новолуние на лесной поляне мистера Пэрриша. Там Берроуз позволял себе кощунственные действия с красным вином и красным хлебом. По мнению сведущих духовных лиц, эти доказательства недостаточны для возбуждения преследования против священнослужителя. Авторитетные лица советуют дожидаться результатов очной ставки названного Джорджа Берроуза с девицей Ханной Пэрриш, показания и поступки которой в подобных случаях весьма убедительно...

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Входит п а с т о р Д ж о р д ж Б е р р о у з. Это коренастый, похожий на крестьянина человек, горячего нрава. Одет скорее как фермер, чем как священник.

Берроуз. Добрый день, господа! Я, кажется, запоздал?

Все молчат. Он смотрит на часы.

Нет, я пришел на пять минут раньше.

Все молчат.

Если я правильно понял, дело идет опять о неофициальном допросе. Меня порядком измотала эта история, должен вам сказать.

Судья. Вы поступили бы правильно, мистер Берроуз, если б вели себя здесь со всей скромностью.

Матер. Смирение приличествует каждому и вдвойне тому, кто находится под столь тяжким подозрением.

Берроуз (*готов вспылить, но сдерживается и говорит резко и сухо*). Да. Господь испытывает своих избранных. Об этом, доктор Матер, брат мой во Христе, вы однажды произнесли хорошую проповедь, впоследствии опубликованную вами. А, я вижу здесь и мистера Пэрриша! (*Судье.*) Весьма нелюбезно, ваша честь, привлечь к нынешнему разговору моего врага, причинившего мне столько горя своими интригами.

Судья. Я повторяю, мистер Берроуз, с вашей стороны было бы умнее не держать себя так заносчиво.

Кольмен. Но в данном случае человек этот прав. Преподобный Пэрриш, ведь между вами и преподобным Берроузом действительно были раздоры?

Матер. Я тебя не понимаю, Томас. Неужели ты можешь заподозрить пуританина и священника в столь безнравственном поступке, как обвинение из личных целей? Ведь дело идет об обвинении в колдовстве, выдвинутом против брата во Христе!

Кольмен. А я тебя не понимаю, шурин! Вот здесь (*показывая на Берроуза*) стоит пуританин и священник, подозреваемый из личных мотивов — ведь его сначала прогнали со службы — в преступных связях с дьяволом.

Судья. Прошу вас, господа, отвлечемся от частных. Мистер Берроуз, ответьте мне сначала на некоторые менее важные вопросы. Многие люди из Каско, где вы еще недавно жили, точнее, девять свидетелей утверждают, что ваш дом был заколдованным местом.

Берроуз. В моем присутствии эти девять прихожан ничего подобного не говорили. Да и я ничего не замечал.

Судья. Но там было много жаб.

Берроуз. В Новой Англии жабы водятся повсюду.

Судья. Поразительно большие жабы.

Берроуз. Я не видел в них ничего поразительного.

Судья. Многие удивляются, мистер Берроуз, что при вашем небольшом росте вы обладаете необыкновенной силой.

Берроуз. Да, господь наделил меня силой, и я ее охотно упражнял. При нападении индейцев в восемьдесят седьмом году моя физическая сила очень пригодилась мне и общине. Это было официально признано.

Судья. Пастух Гейлорд, говорится здесь, известен, как исключительно высокий и крепкий парень. Но однажды во время ссоры вы нанесли ему такой удар в челюсть, что он десять минут пролежал без сознания. Свидетели этого происшествия находят, что без участия нечистой силы такой маленький человек не мог бы уложить такого великана.

Берроуз. Я охотно *ad oculos*¹ показал бы вашей чести, что это вполне возможно. Впрочем, я позволю себе напомнить о Давиде и Голиафе.*

Судья. Вы один подняли большую бочку с патокой, которую не могли поднять двое мужчин, и чуть ли не целую минуту держали ее на весу.

Берроуз. Да, пусть кто-нибудь повторит это за мной!

Судья. Некоторые из свидетелей утверждают, что вы не держали бочку, а она сама собой парила в воздухе.

Берроуз. Добрые люди были пьяны. Хотите, я подниму этот письменный стол? Книги и рукописи могут оставаться на местах.

Судья. Улики, вроде названных, можно было бы оставить без внимания, если б они не подкреплялись более вескими подозрениями.

Берроуз. Вот что мне хочется сказать вам, ваша честь, и вам, мои братья во Христе. Я захватил с собой книгу. Я, видите ли, господа, занимаюсь не только физическими упражнениями, но также и умственными. Книга эта написана мистером Эди в Лондоне и называется она: «Светоч во тьме, или Трактат о сущности ведьм и колдовства». (*Раскрыв книгу, он показывает ее Матеру.*) Читайте, пожалуйста, доктор Матер! Ученый человек, мистер Эди, доказывает здесь неопровержимыми доводами, что священное писание разумеет под ведьмами нечто совсем иное, чем современная юстиция. Аэндорская колдунья была заклинательницей теней. Она и не думала мучить детишек или жить в доме с жабами.

Матер (*с отвращением отстраняет от себя книгу*). Ваш мистер Эди отъявленный саддукей и вольнодумец.

¹ Наглядно. (Лат.)

На вашем месте, я не стал бы ссылаться на него, Джордж Берроуз.

Судья. Подвергнутые суду и казненные ведьмы Маргарет Джонс и Мэти Исти на допросах показали, что вы, мистер Берроуз, руководили кощунственным и богохульным обрядом на шабаше ведьм, происходившем на лесной поляне пастора Пэрриша. Что вы на это скажете?

Берроуз. На это я имею сказать следующее. Нет ничего удивительного, что дряхлые полубезумные старухи показывают вам все, что угодно, когда вы обещаете отпустить их, если они признают себя виновными и донесут на других.

Судья. Вы не должны позволять себе критику действий суда.

Берроуз. Но ведь в ту ночь я был дома, это подтвердили трое безупречных свидетелей.

Судья. Это неубедительное алиби. Тело колдуна или колдуньи отлично может пребывать во внушающем доверие месте, тогда как его призрак, его дух может вести в другом свою дьявольскую работу.

Берроуз. Тогда я не знаю, как мне защищаться.

Судья. Я вижу, что вы не знаете. (*Матеру и Пэрришу.*) Если вы не возражаете, господа, теперь мы обратимся к главной цели нашей встречи.

Матер. Подойди ближе, Ханна. Собери свои силы и скажи нам чистейшую правду. Не скрывай ничего. Ничего не утаивай, хотя бы сам сатана и все духи ада мешали тебе говорить.

Ханна. Почтенные господа, я сделаю все, что в моих слабых силах.

Матер. Пожалуйста, ваша честь, спрашивайте вы.

Судья (*указывая на Берроуза*). Случалось ли тебе, Ханна, видеть этого человека?

Ханна. Я часто видела его в Салеме, у моего отца.

Судья. И нигде больше?

Ханна (*нерешительно*). Не знаю.

Матер. Вспомни хорошенько, Ханна!

Пэрриш. У тебя хорошая память, дочка!

Кольмен. Если ты его не видела, скажи ясно и четко: нет.

Матер. Ты не раз рассказывала нам про духа на лесной поляне. Это стоило тебе страданий и мук. Но ты должна снова принять их. Заставь себя, девочка! Расскажи нам еще раз, что ты видела на поляне.

Ханна (с закрытыми глазами, тяжело дыша). У меня кружится голова. Мне очень худо.

Матер (уговаривает ее). Демоны терзают тебя, я знаю. Но думай о боге, о господе нашем, собери все свои силы. Вспоминай, Ханна! Видишь ли ты поляну?

Ханна (с трудом). Я вижу ее. Я вижу толпу, это люди и в то же время не люди. Они ведут себя, как в церкви, но я знаю, что все это греховно и кощунственно. Они колышутся из стороны в сторону, как в тумане.

Судья. Видишь ли ты мужчину, видишь ли предводителя их шабаша?

Ханна. Я вижу его и не вижу, его обступает плотный туман.

Матер. Ты должна его увидеть. Ты должна узнать его, Ханна!

Ханна (борясь с собой). Нет, я его не вижу.

Кольмен. Оставьте ребенка, господа. Вы ее пугаете, и то, что она сейчас скажет, не будет верным воспоминанием.

Матер. Мы не можем позволить себе такую слабость. Как вы считаете, мистер Пэрриш?

Пэрриш. Я разделяю страдания моей дочери. Но мы должны продолжать допрос, чтобы избавить ее от страданий.

Матер. Не оставляй нас в трудном положении, дитя мое. Вспомни. Думай о господе нашем на небесах, соберись с силами и вспомни. Видела ли ты этого мужчину?

Ханна. Не знаю.

Матер (с силой). Не уклоняйся от прямого ответа. Отвечай ясно: да или нет. Не допускай, чтобы дьявол удерживал тебя.

Ханна (тихо). Я видела этого мужчину.

Матер (умоляюще). Говори еще. Скажи нам еще.

Ханна. Вино было красное и хлеб — красный. На мужчине был мохнатый плащ. И кошка была при нем, и маленькая желтая птица. Плащ его был распахнут, и под ним виднелся его бурый кафтан.

Пэрриш. Помнишь ли ты лицо его, дочка?

Ханна (жалобно). Лица его я не могу вспомнить.

Судья. Какого роста был этот мужчина? Большого или маленького?

Ханна. Скорее маленького. Он протянул мне книгу страшной рукой. Она была как огромная когтистая лапа, и на ней — большая царапина.

Судья. Покажите вашу руку, мистер Берроуз.

Берроуз (показывает руку). У того, кто круглый год выпалывает сорняки и рубит кустарник, не может не быть царапин на руках.

Ханна. А когда я отказалась взять книгу, он принялся душить меня и кусать. Следы его зубов видны до сих пор на моей руке.

Судья. Покажи твою руку доктору, Ханна.

Ханна (стыдливо). Я не могу обнажать руку.

Пэрриш. Во имя победы над дьяволом, ты должна это сделать, дитя мое!

Ханна обнажает руку.

Кольмен. Я ничего не вижу.

Ханна. Это выше, на плече. (Плачет.) Я не могу расстегиваться дальше.

Пэрриш. Сделай это, дитя мое!

Матер. Думай о том, что ты делаешь это ради священной цели!

Ханна расстегивает платье выше.

Кольмен (осматривает ее). Здесь заметны следы очень мелких зубов.

Пэрриш. Разве следы укусов не могли быть сначала больше?

Кольмен. Это следы очень мелких зубов, господа.

Берроуз (показывая свои зубы). Моими зубами я щелкаю самые крепкие орехи.

Ханна. Он кусался ужасно больно. Но я сказала: «Нет, старый фараон, я не распишусь в твоей толстой книге!».

Матер. Ханна, постарайся вспомнить! Видела ли ты его лицо? Чрезвычайно важно, чтобы ты вспомнила все в

гочности. Можешь ли ты нам сказать, как он выглядел?

Ханна (*начинает говорить*). Он... имел...

Кольмен. Очень важно, Ханна, чтобы ты вспомнила действительно точно.

Ханна (*теперь довольно решительно*). Точно вспомнить я не могу.

Матер (*делает последнюю попытку*). Но, может быть, ты вспомнишь его слова. Постарайся, Ханна. Повтори нам слова, с которыми мужчина в бурой одежде обратился к тебе тогда, на лесной поляне.

Ханна (*с закрытыми глазами*). Он сказал: «Будь моей маленькой ведьмой, и я дарю тебе все блага земли». (*Мечтательно.*) А потом он сказал: «Распишись, моя маленькая ведьма, в этой книге».

Матер. Джордж Берроуз, вы сказали это?

Берроуз. Я еще не сошел с ума.

Судья. Мистер Берроуз, повторите слова, которые сказала эта девочка.

Берроуз. Я не ярмарочный шут. Вы, кажется, все походили с ума, господа?

Матер (*с силой*). Мы не сошли с ума. Но вы, Джордж Берроуз, преступник и приверженец дьявола.

Ханна (*по-прежнему с закрытыми глазами, улыбаясь*). Но я ответила: «Я не распишусь, старый фараон, в твоей толстой книге».

Судья. Мистер Берроуз, повторите слова, которые мужчина в буром кафтане сказал девочке.

Берроуз. Я уже забыл эту чепуху.

Ханна. Мужчина в буром кафтане сказал: «Будь моей маленькой ведьмой, Ханна, и распишись в моей книге».

Судья. Повторите это. Вы должны понять, что ваш отказ более чем подозрителен...

Берроуз (*пожимает плечами, говорит угрюмо*). Будь моей маленькой ведьмой и распишись в этой книге.

Ханна (*ее лицо искажается ужасом, она прячется в угол, судорожно обороняясь*). Он душит меня. Помогите мне, помогите!

Матер (*очень взволнованный, объясняет судье*). Это дьявол душит ее, чтобы она не могла говорить. Или же это призрак обвиняемого.

Судья (*взволнованный*). Мне кажется, что такого страшного доказательства достаточно.

Матер. Сотворим молитву, друзья мои. Повели, о господи, чтобы злой дух более не терзал ребенка. Прикажи ему отступиться.

Судья и Пэрриш. Аминь.

Пэрриш. Я не могу видеть эти мучения! (*Берроузу, в ярости.*) Перестаньте мучить ее!

Берроуз. Я же стою здесь, а девочка там. Как я могу ее мучить?

Пэрриш. Не прикидывайтесь так нагло! Кто же еще мучит ее, если не вы? (*Судье.*) Ваша честь, умоляю вас, прогоните его, и она избавится от мучений.

Судья. Ступайте, Берроуз.

Берроуз. Я могу лишь радоваться, что уйду из этого сумасшедшего дома.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Те же, без Берроуза.

Пэрриш. Успокойся, Ханна! Его здесь больше нет.

Матер. Приди в себя, дитя мое!

Ханна (*судороги у нее проходят, она говорит с невинным видом*). Вы о чем-то спрашивали меня, доктор Матер? О чем вы спрашивали?

Судья. Все, что мы видели, представляется мне достаточным доказательством. Я жду ваших суждений, господа, чтобы распорядиться об аресте этого Берроуза.

Кольмен (*сухо*). Я нахожу, что все происшедшее здесь легко объясняется естественными причинами.

Матер угрюмо смотрит на него, хочет возразить, но сдерживается.

Судья. А ваше мнение, доктор Матер?

Матер. Прежде чем по столь важному поводу высказать суждение церкви, я хочу еще раз продумать все подробности и изложить свои мысли на бумаге.

Судья. Я преклоняюсь перед вашей добросовестностью, доктор Матер. Однако не приведет ли наша медлительность к тому, что этот негодяй успеет натворить новые пакости?

Матер. Я чувствую, что всемогущий просветит меня вовремя. Ваша честь получит мое заключение еще до вечера.

Судья. Благодарю вас.

Уходит с Пэрришем.

Матер. Ханна, позови сюда миссис Матер и Ричарда. Моя молитва должна быть поддержана всеми вами.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Матер садится к столу, пишет быстро, не отрывая пера от бумаги.

Кольмен *(после паузы)*. Ты не боишься, что твой отчет может оказаться односторонним?

Матер. Я предлагаю тебе изложить свое мнение на бумаге. Если ты сделаешь это тотчас же, я учту его в моем заключении, будет ли оно подкреплять это заключение или опровергать его.

Кольмен. У меня по этому вопросу нет «мнения»: я просто знаю. Я привык подходить к вещам научно. И о дьяволе я могу думать лишь тогда, когда исчерпаны все запасы моих знаний.

Матер *(продолжая писать)*. А сегодня этого не случилось?

Кольмен. Нет.

Матер. Веришь ли ты в существование дьявола?

Кольмен *(осторожно)*. Я верю, что даже то, что ты называешь дьяволом, подчиняется законам природы.

Матер *(продолжая писать, говорит через плечо холодным тоном)*. Можешь спокойно говорить дальше. Я умею писать и слушать одновременно.

Кольмен. Намерен ли ты выпустить книгу об этих процессах?

Матер. Я считаю это своим долгом.

Кольмен. Отметим ли ты допущенные в ходе следствия по этим делам неправильности?

Матер. А разве имели место неправильности?

Кольмен. Да. Судьи поверили показаниям мужчины, утверждавшего, что колдун на его глазах обратился в волка. При этом свидетель признался, что он был пьян. Но

словам двух его спутников, которые были трезвы и ничего подобного не видели, судьи не поверили.

Матер (*пишет*). И это все?

Кольмен. Когда Ребекке Нерс учинили очную ставку с Энн Хиббинс, она сказала: «Эта из наших». Было ясно, что она хотела сказать — эта из нашей камеры. Так ее поняли присяжные заседатели и оправдали ее. Но твой почтенный судья Стоутон снова послал заседателей в комнату совещаний и держал их там до тех пор, пока они не согласились, что слова «эта из наших» надо понимать, как: «эта из нас, колдуний». И тогда Энн Хиббинс повесили.

Матер. Еще что-нибудь в этом роде?

Кольмен. Конечно. Пять раз я вместе с другими врачами обследовал обвиняемых, чтобы найти на их теле какие-то сосочки, через которые злые духи якобы пьют кровь. Под давлением судей, мои коллеги согласились, что разные бородавочки и неровности кожи могут быть истолкованы как искомые признаки. Но я ни разу не нашел ничего, кроме мелких бородавок, какие есть и у тебя, и у меня, и вообще у всех и каждого.

Матер (*не прерывая работы*). Наши законы мягки. По английскому закону смертной казнью карается двести семь преступлений. Мы же признаем заслуживающими смертной кары лишь двенадцать преступлений, наказуемых так и по закону Моисееву. (*Он перестает писать и, обращаясь к Кольмену, говорит резко и твердо.*) Но тому, кто совершил одно из этих двенадцати преступлений, мы не даем пощады. «Ведьму не оставляй в живых», — сказано в законе Моисеевом. Мы верны закону, и истребляем ведьм.

Кольмен. В других колониях, да и в самой Англии, никто не признает показаний одержимых и вашего дьявола.

Матер. Никто ни на том берегу, ни на этом не поставит под сомнение авторитетность наших судей, никто не сочтет людьми легкомысленными нашего Стоутона и нашего Сюолла. (*Снова принимается писать.*)

Кольмен (*раздраженно*). Ты все пишешь и пишешь. Неужели ты и впрямь считаешь, что дурацкая болтовня этой паршивой девчонки имеет историческое значение?

Матер молчит и пишет.

(Своими бессмысленными сочинениями ты погрузил во мрак немало сердец и умов. Твоя Ханна Пэрриш видит только то, что ты хочешь.)

Матер молчит и пишет.

И как ты можешь сейчас писать? Впрочем, у свежих могил своих детей ты читал проповеди с потрясенной душой, но в тот же час ты заносил их на бумагу и спокойно отсылал издателю.

Матер (смотрит на него с искренним удивлением). Разве я не должен был так поступать? Не понимаю тебя. Для чего же всемогущий испытывал меня смертью любимых детей моих, как не затем, чтобы мыслями об этом я возвышал души других?

Кольмен (прибегая к новой попытке). Послушай, ну хоть один раз воспользуйся разумом, дарованным тебе богом. Этот Пэрриш мелкими интригами лишил Берроуза работы и хлеба. Он не может успокоиться, что до сих пор, вот уже больше восьми лет, салемяская община жалеет об уходе Берроуза. Он хочет доконать его. Для своей цели он пользуется галлюцинациями дочери. Я заклинаю тебя, Коттон Матер, дважды подумай, раньше чем отправить Берроуза на виселицу.

Матер. Ты так вознесся в своем вольномыслии, что уже не видишь окружающих нас явлений, не видишь происков дьявола и злых духов.

Кольмен (пожимает плечами). Ты хочешь думать так. Ты хочешь искать ведьм. Этого требует твоя «честь», требует чувство самосохранения.

Матер смотрит на него вопросительно.

(Со злобой, подчеркивая каждое слово.) Если бы в Новой Англии не кипела борьба против ведьм и дьявола, в ней кипела бы борьба за лучшую конституцию.

Матер (гневно). Эту подлюю — не могу назвать ее иначе — и низкую клевету ты уже бросил мне однажды в лицо. Ну, что же, она смердит не меньше оттого, что ты ее повторяешь. (Продолжает писать.)

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Входят Эбигейл, Ханна и Ричард.

Матер. Я позвал вас, чтобы ваша молитва подкрепила мою. О господи, ты благословил свою Новую Англию и вложил добрые чувства в сердце короля, даровавшего нам новую конституцию, хорошего губернатора и образцовое Законодательное собрание. Но дьявол, твой враг, исходит злобой к этому счастливому новому порядку. Он превратил нашу землю в бушующее море и нагромоздил горы грязи на наших путях. Многим затуманил он головы, и не видят они добра, ниспосланного тобою, и не видят зла, обращенного против нас врагом твоим. O misera et miseranda conditio! — о участь, несчастнейшая и сожаления достойная! Спаси нас, помоги нам, о господи!

Остальные. Помоги нам, о господи! Аминь!

Матер. Просвети, господь, разум ребенка Ханны Пэрриш, верной рабы твоей, укрепи ее в борьбе с врагом, ибо в слабые руки ее вложен ныне меч нашей веры. Озари память Ханны Пэрриш, не дай князю тьмы ослепить ее, дабы видела она, как дьявол со своими черными ратями теснит ее. Отвори сердце и уста Ханны, дабы слова ее вывели нас на путь победы.

Остальные. Аминь.

Кольмен. Эту молитву ты тоже думаешь записать и напечатать?

Матер (*хочет резко возразить, но сдерживается и обращается к Ханне*). Ты видишь, дитя мое, и под этой крышей могут оказаться насмешники. Они позволяют себе думать, что голосом твоим говорит не всемогущий господь, а свирепая пасть преисподней. Вот почему в присутствии этого закоснелого маловера я призываю тебя еще раз, проверь себя и отвечай мне в страхе божьем: все ли, что ты сказала, было чистойшей правдой?

Ханна. Да, доктор Матер.

Матер. Представь себе всю бездну падения, которая ожидает солгавшего, представь себе геенну огненную с языками пламени и повторяй за мной: я знаю, что если не сказала и ныне не говорю чистойшей правды, то я обречена вечно гореть в адском огне.

Ханна отпрянула назад.

(Строго.) Повторяй за мной, Ханна!

Все глаза устремлены на Ханну, она колеблется.

Ханна. Если я лгу, то я должна гореть в адском огне. (Плачет.)

Эбигейл. Не надо так мучить ее. Она устала от допроса.

Матер (с удивлением смотрит на нее). Ты вмешиваешься в мои служебные дела? Ты хочешь помешать мне служить господа со всей строгостью к себе и к другим?

Эбигейл (испуганно). Нет, я от этого далека. Но ты видишь, как девочка измучена.

Матер. Так ты упорствуешь в своем непослушании? (Резко.) Всею виной этот саддукей, вольнодумец, безбожник! С тех пор как он вернулся из Лондона, в стране начался бунт против власти, поставленной богом и королем. (Кольмену, в ярости.) А теперь ты занес этот преступный дух и в мой дом. Ты возмущаешь жену мою против меня. (Указывая на обожженные страницы рукописи.) Ты подстрекнул моего сына бросить в огонь мою рукопись.

Кольмен. Какую рукопись? Ты сошел с ума!

Матер. Не притворяйся, не смей отрицать!

Кольмен. Ты всех тиранить своими подозрениями — жену свою, сына, весь народ.

Матер (Ричарду). Кто направил руку твою на это ужасное преступление?

Ричард. У меня не было дурных намерений. Я задел рукопись, и несколько страниц полетели в огонь.

Матер замахивается на него.

Ричард, защищаясь, невольно поднимает руку.

Матер (замечает повязку на руке Ричарда, опускает свою руку, начинает заикаться). Т-т-воя р-р-рука... (Овладевает собой.) Бог наказал руку, поднявшуюся на отца. (Твердо.) Покайся! Признай свою вину! Кто тебя подстрекнул? Почему ты так сделал? Не умножай преступления ложью. Не лги мне, сын мой Ричард!

Ричард. Я... я этого не делал. Листки сами полетели в огонь.

Ханна (*тихо, решительно*). Это сделала я, доктор Матер.

Матер (*бессмысленно уставившись на нее*). Ты?

Ханна. Это тот в буром кафтане стал уговаривать меня своим ужасным безжизненным голосом: «Брось это в огонь, уничтожь этот труд, не то я убью тебя». И он принялся душить меня с такой силой, что мне пришлось послушаться. Но тут Ричард выхватил листки из огня. И тогда тот в буром кафтане исчез.

Матер (*задумывается, потом, потрясенный новой мыслью, говорит тихо*). Значит, это сделал Берроуз? Берроуз?

Ханна. Это сделала я, своими несчастными руками. Но приказал мне тот, в буром кафтане.

Матер (*рассматривает опаленные листы*). Как раз те страницы, на которых записан точный текст показаний. Он знал, что делал, лукавый! О господи, благослови память мою, чтобы я мог восстановить все, что записал в твою честь.

Кольмен. Не собираешься же ты всерьез обвинять этого злосчастного Берроуза в том, что он бросил в огонь твою рукопись?

Матер. Прикуси язык, безбожник! Замолчи. Замолчи, наконец!

Кольмен. И не подумаю. Девочка чрезвычайно возбуждена. Она придумывает невесть что, раз ее убедили, что она орудие божие. Когда она медлила в показаниях, ты угрожал ей. Ты так расписал ей ад, словно сам в нем побывал. Ханна девушка горячего нрава, несмотря на кроткое личико. Она бросила твою рукопись в огонь, чтобы тебя позлить. Не решишься же ты из-за этого отправить на виселицу пастора Берроуза?

Эбигейл (*испуганно*). Пожалуйста, не спеши с ответом, Коттон! Прошу вас, прекратите ваш спор.

Матер. Я не спорю. Я только утверждаю истину.

Кольмен. Говорю тебе, Коттон Матер, на этот раз ты слишком много берешь на себя. Наступит время, и скоро, когда все увидят, как страшно ты заблуждался.

Матер. Ты действительно полагаешь, что можешь испугать меня своими пустыми угрозами?

Кольмен. Я знаю, что говорю не только за себя, но за многих, за большинство, за народ!

Матер (*иронически*). Я еще ни разу не слышал, чтобы после твоих речей кто-нибудь возглашал «аминь».

Кольмен. Многие действуют еще очень медленно. Они еще неопытны в речах, да и в действиях.

Матер. И ты — их язык?

Кольмен. Да, а также их кулак.

Матер. Ага! Вот ты и высказался. А теперь, прошу тебя добром, уходи из моего дома. Ты и в самом деле орущие дьявола!

Кольмен хочет ответить.

Уходи, говорю тебе! Берегись! Убирайся вон из страны!

Кольмен. Я так и сделаю. Уеду в Лондон с первым кораблем.

Матер. Чтобы жаловаться на меня.

Кольмен. Да. И хлопотать о конституции для страны, а не для Матеров.

Эбигейл. Не надо так, прошу вас. Не расстраивайтесь так!

Кольмен (*обращается к Ричарду*). Ты был здесь, Ричард, когда горела рукопись. Ты видел, кто это сделал и как все было. Уходи из этого дома. Еще раз предлагаю тебе, едем со мной в Англию! Неужели ты останешься здесь, где так сумасбродно извращаются простейшие факты.

На Ричарда производят сильное впечатление слова дяди.

Ханна. Не уезжайте, Ричард. Вы — смелый, вы все взяли на себя. Но потом бог помог мне, и я рассказала, как это случилось.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Судья и Пэрриш входят поспешно.

Судья (*радостно*). Вот письмо для вас, доктор Матер, долгожданное письмо!

Матер (*подавляя волнение, делает вид, что поражен*). Что же это за письмо?

Пэрриш. Из Лондона. Из Академии наук. Прибыл фрегат «Конкорд».

Судья подает Матеру письмо, пакет с большой сургучной печатью. Матер берет пакет, взламывает печать и читает письмо, в то время как остальные напряженно следят за ним.

Матер (*уже не стараясь скрыть возбуждение, говорит с сияющим лицом*). Да, Лондонская академия избрала Коттона Матера из Бостона своим членом.

Судья. Жителю нашего материка такая честь оказана впервые.

Пэрриш. Она оказана достойнейшему.

Эбигейл (*подходя к Матеру*). У меня нет слов, чтобы выразить, как я рада.

Матер. Мне тоже, не буду скрывать, это почетное признание согревает душу после всех оскорблений и подозрений, которые я претерпел. (*Подходит к конторке, говорит Кольмену тоном превосходства*.) Теперь ты видишь: бог свидетельствует за меня. Бог в своей безграничной милости свидетельствует, что мое «вечное писанье», как ты его называешь, есть плодотворный труд — *opus fructuosum*. Ибо что же написано мною, кроме книг во славу божию, во славу бога Моисеева и моего? И вот теперь даже эти лондонские мужи, чей бог далеко не всегда был моим богом, вынуждены признать труды мои.

Судья. Это честь не только для вас, доктор Матер, но и для всей колонии, для всей Америки.

Пэрриш. Теперь должны замолчать все клеветники, выступавшие против Коттона Матера, этого воина божия, этого хранителя пуританской веры.

Кольмен (*Ричарду, вполголоса*). От души радуюсь его успеху, но боюсь, что успех пришел к нему не вовремя.

Матер (*негромко*). Господь бог помог мне преодолеть недостатки бедного языка моего, дабы я возглашал его славу. Бог сделал так, что голос мой нашел отклик в сердцах людей. (*Все так же тихо, в состоянии глубокого потрясения*.) Аллилуйя!

Пэрриш. Аллилуйя!

Судья. Поистине великий день для всех нас.

Матер (*многозначительно*). В том, что радостная весть пришла к нам именно сегодня и в этот час, я вижу знак божий, господин судья. Сам господь призывает нас не ослаблять борьбы против козней сатаны.

Судья. Верно ли я вас понял, доктор Матер?

Матер. Если вы отдадите этого бывшего пастора Джорджа Берроуза в руки правосудия, церковь будет стоять за вами.

Судья. Я тотчас же выпишу приказ об аресте. *(Подходит к конторке, пишет.)*

Пэрриш. Ради бедной дочери моей я счастлив, что этот волк больше не будет рыскать на свободе.

Кольмен. Вы вступаете в суровую, ответственную борьбу, ваша честь. У пастора Берроуза много друзей и сторонников.

Судья. Когда я действую во имя бога и родины, у меня нет страха перед людьми. *(Он подписывает приказ и посыпает песком.)*

Эбигейл. Вы останетесь у нас на вечер, господин судья?

Судья. Охотно.

Пэрриш. Если ваша честь ничего не имеет против, я отнесу приказ об аресте шерифу.

Судья вручает ему приказ.

Все собираются покинуть комнату.

Ханна *(она сияющими глазами следила за этой сценой. Говорит Ричарду тихо, голосом исполненным торжества)*. Ну, Ричард, есть у меня власть над людьми?

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Кольмен, Эбигейл, Ричард.

Кольмен. Капитан Холмс говорит, что через четыре дня «Плимут» будет готов к отплытию. Но я начинаю сожалеть, что еду в Лондон. Я охотно остался бы здесь, чтобы увидеть, как наша страна снова возьмется за ум.

Эбигейл (*как бы не слыша его слов*). Чудовищно, что дьяволу удалось увлечь в бездну даже слугу господ-него. Можно понять людей, которые этому не верят.

Кольмен. Да, они не верят, они начинают пробуждаться. Выходит, что ни в чем не повинный Берроуз погиб не напрасно.

Ричард (*поводит плечами, словно в ознобе, говорит тихо*). Я видел, как рука покойника торчала из могилы.

Кольмен. Что тут удивительного? Преступник, видите ли, не достоин того, чтобы похоронено было все его тело. Часть его, в доказательство преступности, должна после казни торчать из земли, — так требуют божье слово и закон.

Короткая пауза.

Но жители Салема не хотят с этим считаться, они причиняют властям неприятности, каждую ночь зарывая в землю эту несчастную руку.

Ричард (*подбадривая себя*). Он, наверно, занимался черной магией, не иначе. С тех пор, как его казнили, мисс Ханна совсем избавилась от судорог.

Эбигейл. Это серьезное доказательство.

Кольмен. Пастор Берроуз был грубым человеком, далеким от внешнего лоска и учености, но я никогда не забуду, как он стоял на лестнице с веревкой на шее, читая «Отче наш», и как Коттон Матер сказал ему...

Эбигейл (*перебивая его*). Я знаю, мне говорили.

Кольмен (*не обращая внимания на ее реплику*). Коттон Матер сказал ему: «Не прикидывайтесь, вы — колдун, вы это отлично знаете». И тогда Джордж Берроуз взглянул на Коттона Матера и промолвил: «Бог напоит тебя кровью». Он произнес эти слова таким голосом, что все похолодели. Все ораторское искусство твоего мужа не заглушит этих слов.

Ричард (*упрямо*). В нем сидел дьявол и говорил его устами.

Кольмен. Да, так сказал твой отец, когда Берроуз умирал. Коттон Матер в это верит.

Ричард. И все верят, потому что верит он. Он победит дьявола.

Кольмен. «Бог напоит тебя кровью». Во всяком случае, дьявол выразил это очень ярко. Мы не забудем этого до конца наших дней.

Эбигейл. Прошу тебя, Томас...

Ричард. Все, что отец говорит народу, когда в людях слабеет вера, врезается в память глубже слов дьявола.

Эбигейл (*в страхе*). Томас, ты же не можешь всерьез утверждать, что Берроуз казнен безвинно?

Кольмен. Именно это я и утверждаю.

Эбигейл. Но тогда, значит, доктор Матер и судья Сюолл и губернатор и все прочие...

Кольмен. Глупцы и убийцы.

Ричард (*запальчиво*). Почему вы говорите нам это, дядя Томас? Почему вы не говорите этого всему народу?

Кольмен. Этот вопрос, мой мальчик, вот уже два века ставят перед многими мужами науки. Может быть, знания делают человека трусливым. Ясно одно: уже много раз самые смелые мыслители склоняли головы перед окружавшей их глупостью.

Ричард (*злобно*). После ваших слов, дядя Томас, наука и ученость не представляются мне особенно заманчивыми.

Кольмен. Я понимаю твою иронию. Да, очень неприятно держать язык на привязи. Но иногда это един-

стерегают душу мою, какие силы собирают они против меня, неповинного. Восстань, господь, бог Саваоф, * бог Израиля, и порази язычников. Не пощади ни единого из дерзких сих. Не умерщвляй их, дабы не прешла о том память в народе моем. Но расточи их силою твоею, о господи, щит наш, и брось их в бездну. *(Он запинаятся, не может говорить дальше.)*

Матер. Благодарю тебя, Ричард.

Ричард. Простите, сэр, я что-то пропустил. А конец я забыл.

Матер. Ничего. И ты можешь называть меня отцом. *(Короткая пауза.)* Прочти еще раз последний стих.

Ричард. Но ты, господь, осудишь их и насмеешься над ними. Не умерщвляй их, дабы не прешла о том память в народе моем.

Матер *(вступает, в то время как Ричард читает дальше)*. Расточи их силою твоею, о господи, щит наш, и брось их в бездну. *(Он встает, говорит громко, с нарастающей яростью.)* Слова языка их суть сплошной грех. Да уловятся они в высокомерии своем, ибо изрыгают они сплошную брань и ложь. Господи, истреби их без пощады. Истреби их, чтобы их не было, и да познают, что бог владычествует над Иаковом до пределов земли.

Ричард, сначала вторивший отцу, потом замолкает.

(Повторяет, на этот раз тихо, но с рвением.) Истреби их без пощады. Истреби их, чтобы их не было, и да познают, что бог владычествует над Иаковом до пределов земли. *(Пыл его погас, он опускается в кресло.)*

Долгое молчание.

Эбигейл. Чем я могу помочь тебе, Коттон?

Матер. Улыбнись, Эбигейл. Того, кто старается выполнять веления божьи, часто охватывает жестокий холод. Иногда я стремлюсь согреться улыбкой твоей. *(После паузы.)* Веришь ли ты в меня, Эбигейл?

Эбигейл *(колеблется, потом говорит чуть слышно)*. Да.

Матер слабеет все больше.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Т е ж е и Х а н н а .

Ханна (*входит и сразу замечает подавленное настроение*). Я должна еще раз поблагодарить вас, доктор Матер. Вы помогли мне. Теперь я поистине спасена милостью божьей. (*Таинственно.*) Этой ночью меня в последний раз посетил тот, в буром кафтане. И он сказал мне жалобным голосом: «Теперь, Ханна, я должен покинуть тебя и больше не смею тебя мучить».

Молчание.

Матер. Имеющий очи, дабы видеть, мог бы убедиться в истине. Но, увы, сатана многим помутил зрение.

Эбигейл. Ты бы переделся, Коттон, и отдохнул после долгого пути.

Уходит с Матером.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Х а н н а и Р и ч а р д .

Ханна. Теперь меня больше не мучают злые духи, и теперь я всего лишь дочка незначительного пастора из Салема. Отныне вы и не посмотрите в мою сторону, Ричард?

Ричард. Вы не должны так говорить.

Ханна. Но ведь это правда. В Салеме долгие годы никто даже не замечал меня. У женщин нет разума, — говорили мужчины. А ныне даже доктор Кольмен признал, что у меня есть воображение.

Ричард. Если бы я встретился с вами в Салеме до ваших тяжелых переживаний, я был бы, наверно, очень рад побеседовать с вами.

Ханна. А разве вам со мной нисколько не жутко?

Ричард (*пытается вывернуться*). Да... тоже... не знаю. Но ведь теперь вы сами говорите, что свободны от преследований демонов.

Ханна (*быстро, злобно*). Значит, я и раньше была свободна, только не признавалась в этом?

Ричард (*вымученно*). Нет, нет! Я так вовсе не думал. Вы, конечно, верили, что вас мучит дьявол.

Ханна. Но он меня не мучил?

Ричард. Я этого не говорил.

Ханна. Но думали. Вы думали, что я ошибалась, что я лгала.

Ричард. Я ведь вам уже говорил, что вы поэтесса.

Ханна. А разве поэты не лгут? Что же они еще делают?

Ричард. Нет, нет, поэты не лгут. И творчество вовсе не ложь.

Ханна. Я так искренне хочу, чтобы вы мне верили, — именно теперь! Я хочу, чтобы из всего множества людей именно вы верили мне, Ричард!

Ричард (*гордо, но немного растерянно*). Почему именно я, Ханна? Я глупый молодой человек. Мой отец...

Ханна (*улыбаясь, приближается к нему*). Да, вы глупы, Ричард... Верите вы мне?

Ричард. Я... я...

Ханна (*нетерпеливо*). Скажите же, наконец, — да.

Ричард (*неуверенно*). Да.

Ханна. Дайте мне руку и скажите: да, безусловно.

Ричард (*подает ей руку, говорит тихо, с трудом*). Да, безусловно.

Ханна (*мечтательно*). Многие считают меня виновницей того, что ведьм вешали на дубе. Может быть, я и виновата. Ведь я орудие. (*Внезапно заглядывает ему в глаза.*) Но вы не будете попрекать меня этим, Ричард! Вы — нет. Только не вы!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же и Пэрриш.

Пэрриш (*входит, с трудом скрывая сильное волнение*). Добрый день, мистер Ричард. Не скажете ли вы доктору Матеру, что я прошу его побеседовать со мной?

Ричард. Конечно, преподобный Пэрриш. (*Уходит.*)

Ханна испуганно и выжидательно смотрит на отца.

Пэрриш. Да, вот ты стоишь тут и смотришь! (*Язвительно.*) Дьявол и впрямь сыграл с нами скверную шутку, когда выбрал именно тебя.

Ханна. В чем дело? Что случилось?

Пэрриш. Меня прижали к стенке. Все мои враги опять поднимаются против меня. Они упрекают меня в легковерии. Я, мол, поддался пустозвонной болтовне моей дочери. Я не должен был принимать за чистую монету ее бред. Я должен был вспомнить о том, что она подкрашивала щеки и что я же был вынужден публично выговаривать ей за это.

Ханна молчит.

(Тихо, гневно и очень злобно.) Скажи же что-нибудь! Ты ведь обычно говоришь так много. Теперь у тебя больше нет никаких видений, а?

Ханна (не без вызова). А доктору Матеру тоже приписывают легковерие?

Пэрриш. То-то и оно! Он может думать все, что ему захочется, потому что он доктор Матер, пастор в Бостоне. А мы, мелкие сельские священники, всегда неправы, видели мы дьявола или нет.

Ханна (испуганно). Но что же все-таки случилось? Что изменилось со вчерашнего дня?

Пэрриш. Твоя подруга Энн Патнем, этакая дрянь, обнаглела и донесла на миссис Инглиш, что та будто бы ведьма. Ты понимаешь, на жену самого богатого человека в Салеме! И эту набитую дуру ты избрала в самые близкие подруги!

Ханна. Но что же случилось? Что сделали с миссис Инглиш?

Пэрриш. Ее арестовали.

Ханна. Так.

Пэрриш (иронически). «Так!» «Так!» Мистер Инглиш не нищий. Мистер Инглиш самый богатый судовладелец во всей колонии. Он обвинил старого Патнема в клевете на свою жену и потребовал возмещения убытков в размере тысячи фунтов.

Ханна. И что же дальше?

Пэрриш. А дальше он добился у судьи Корвина приказа об аресте Патнема.

Ханна (бледнеет). Мне кажется, это недобрый знак.

Пэрриш (передразнивая ее). «Недобрый знак!» Это — конец. Это — гибель.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Матер.

Матер (*входит*). Вы хотели говорить со мной, мистер Пэрриш?

Пэрриш. Я попал в беду, доктор Матер, и кроме вас нет у меня другой скалы, к которой я мог бы прилепиться.

Матер. Не на людей должны вы полагаться, малодушный, а на бога. Как же пастве нашей питать к вам доверие, если вы сами отчаиваетесь?

Пэрриш. Власти покидают нас в беде, доктор Матер. Судья Корвин, в угоду судовладельцу Инглишу, выписал приказ об аресте Патнема по обвинению в клевете.

Матер (*удивлен и раздосадован, но быстро овладевает собой; говорит строго*). Только потому, что вы не тверды в вере, брат Пэрриш, вы так легко падаете духом при первой же неприятности.

Пэрриш. Простите, доктор Матер, но это не «первая неприятность». Наши братья по сану в Нью-Йорке отрекаются от нас. Лондон и слышать о нас не хочет, губернатор ничего для нас не делает. А судьи на стороне наших клеветников, так что мы уже больше не обвинители, а обвиняемые и гонимые.

Матер (*мрачно*). Слуге господнему должно быть известно, что бог посылает слугам своим не одни только победы. Церкви в Новой Англии приходилось встречать и не такие опасности. Меня огорчает, брат Пэрриш, что в этом испытании вы позорите нас столь жалким поведением.

Пэрриш. Позорю не я, а моя община.

Матер. У хорошего пастуха и овцы не плохи.

Пэрриш. Трудно быть тверже уверенным в вине этого Берроуза, чем я. Но что мне с того? Каждую ночь они зарывают в землю иссохшую руку этого прохвоста. И так они будут поступать до тех пор, пока мы не начнем действовать строже. Вы должны распорядиться, доктор Матер, чтобы там поставили охрану и чтобы наказывали за каждое слово в пользу безверия.

Матер. Мы должны покорять сердца, а не одни лишь языки. Если вы этого не можете, мистер Пэрриш, вас нельзя считать призванным на служение.

Пэрриш. Думаю, что я призван, доктор Матер, но избраны только вы. Во всей Новой Англии в эту пору малодушия, в обстановке несчастий и горя, только вы один можете успешно говорить с толпой. Вот почему я и прошу нас, приезжайте в Салем. Произнесите там проповедь. Помогите мне, сирому и недостойному.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и судья Сюолл.

Судья (входит). Я к вам за ободрением и утешением, доктор Матер.

Матер. Вы нуждаетесь в утешении, судья Сюолл?

Судья. Нас постигло ужасное несчастье. Дьявол ввергнул нас в заблуждения, которые грозят нашему краю священным гневом господним.

Матер. Надеюсь, что я вас неверно понял. О каких заблуждениях говорит ваша честь?

Судья. Все это время я неколебимо верил, что бог при вашем посредстве освятил мои решения. Я верил, что честно служу родине и закону, охраняя невинного и наказуя виновного. Даже тогда, когда я приговорил пастора Берроуза, я думал так.

Матер. А теперь вы думаете иначе?

Судья. Нет. Теперь я страшусь... Больше того, теперь я знаю, что дьявол сбил с толку не нескольких жалких старух и мелких людишек, а сердца и умы вождей нашей родины.

Матер. Что побуждает вас так думать, судья Сюолл?

Судья. С того часа, как был повешен и зарыт в землю пастор Берроуз, в народе пошел слух, что он осужден несправедливо, что мы, его судьи, легкомысленно доверились детскому лепету, а не велениям разума.

Матер. Итак, болтовня толпы кажется вам более весомой, чем свидетельства церкви и ваше собственное суждение?

Судья. Я всегда уважал голос народа. Видя, что недовольство моим приговором продолжает расти, я снова отправился в Салем и в Каско и в Фалмут и стал расспрашивать о жизни пастора Берроуза. Трудно остаться при

убеждении, что человек такой простой, грубоватой и открытой души мог быть колдуном.

Матер. В том-то и состояла хитрость дьявола, что он использовал такое орудие.

Судья. Со времени этого злосчастного процесса одержимые дети усердствуют в обличении мужчин и женщин не только темного происхождения и людей низших сословий, но обвиняют и граждан, живущих в довольстве и пользующихся уважением.

Матер. Испорченность и дьявольское коварство часто прячутся за внешностью людей, состоятельных и почтенных.

Судья. Я не могу себе представить, чтобы такой человек, как судовладелец Инглиш стал заключать союз с сатаной. *(Нерешительно.)* И еще меньше могу я подумать такое о моей любимой супруге Элизабет.

Матер *(неприятно пораженный)*. Как, миссис Сюолл?..

Судья. Девочка Сара Виббер заявила, будто миссис Сюолл нападала на нее и грозила ей.

Пэрриш. Вот видите, доктор Матер!

Матер *(овладев собой)*. Я никогда не сомневался, что дьявол, пользуясь околдованными детьми, будет замешивать в преступления также и невиновных. Но это ничего не меняет в отношении тех, кто был осужден и казнен после добросовестно проведенного следствия. *(Указывает на Ханну.)* Всмотритесь в ее чистое, ангельское лицо, судья Сюолл. Не думаете же вы, что эта девочка лжет?

Судья смотрит на Ханну странным, отсутствующим взглядом. Ханна внезапно раздражается дикими рыданиями.

Вы тяжко обидели эту несовершеннолетнюю девочку. Она в благочестивом усердии противодействовала сатане и, несмотря на все мучения, раскрыла нам его происки. И вот теперь, из-за чрезмерной сердечной чувствительности, вы хотите обесценить страдания и муки этого ребенка.

Судья *(смотрит на него все с тем же потерянным выражением лица; потом тихими шагами, испуганный, но словно влекомый вперед, подходит к окну)*. Вот они! Вот они опять! Я этого боялся.

Матер *(идет за ним к окну)*. Кто там? Чего хотят эти люди?

Судья. Они пришли не ради вас, доктор Матер. Они стоят и смотрят наверх потому, что здесь, в вашем доме нахожусь я. С тех пор как пастор Берроуз зарыл в землю, куда бы я ни пошел, за мной следуют люди, не всегда одни и те же. Они не навязчивы, они держатся на почтительном расстоянии, они не кричат, не говорят между собой, они не преступают ни закона, ни правил приличия. Но они ходят за мной по пятам. Их лица не столько мрачны, сколько грустны. Они всегда тут как вечный укор. С тех пор как эта девочка Сара Виббер обвинила мою дорогую супругу в том, что та ведьма, я понимаю этих людей. Они тоже неспособны постигнуть, почему их матери, жены и дочери были отданы под суд, как ведьмы, и почему я приказал их повесить.

Пэрриш. Все покидают нас в беде. И он тоже.

Матер. Соберитесь с силами, судья Сюолл! Сбросьте с себя это вредное уныние. Не дайте опутать себя неверию и заблуждениям.

Судья. Не оставайтесь вы в заблуждении, доктор Матер, заклинаю вас! Мы оба стали жертвами мерзкого обмана. Чудовищно тяжело признаваться в этом. Но чем скорее мы это сделаем, тем раньше будет снято с нас проклятие.

Матер. Я понимаю, что вы расстроены обвинением миссис Сюолл, выдвинутым этим ребенком, которого соблазнил дьявол. Но вы должны снести этот удар, судья Сюолл, вы должны вновь собраться с силами. Станьте снова таким, каким были прежде, это ваш долг.

Судья молчит.

А теперь я обращаюсь к этим людям, которые стоят перед домом, и вы увидите, как скоро и они вновь обретут веру и устыдятся своего малодушия.

Судья *(находился в глубоком раздумье и почти не слушал его; теперь говорит с решимостью)*. Да, я выполню свой долг! *(Подходит к окну.)* Вы правы, добрые люди, когда смотрите на меня с укором. Я угодил в петлю князя тьмы и вверг себя и страну в тяжкую распрю со всемогущим богом. Слушайте меня, добрые люди: я беру на себя и порицание, и позор. Я был, пусть невольно и по неведению, орудием преступления, запятнавшего меня невинной кровью. О, как жестоко я заблуждался, как безумно был ослеплен! Сердце мое полно тревогой и отчаянием. *(Ударяет*

себя в грудь.) Я каюсь. Я упрекаю себя и стыжусь перед господом, перед родиной нашей, перед своей бессмертной душой. Я каюсь. *(В изнеможении отходит от окна.)*

Ханна *(в ужасе забила в угол, говорит тихим голосом)*. Это чудовищно. Это невыносимо.

Пэрриш. Теперь все рушится. Мне остается только бежать.

Матер. Вы нанесли стране тяжелый удар, судья Сюолл, худший, чем когда-то индейцы, удар, от которого наша родина оправится не скоро. Я не могу простить вас и не могу просить бога о вашем прощении. Своим малодушием, своей поспешностью вы взяли на себя ужасную вину.

Судья. Я этого не думаю, доктор Матер. Мне стало гораздо легче. Тяжек позор, но вина была тяжелее.

Матер *(решительно)*. Я попробую, насколько возможно, исправить положение. Я хочу говорить с этими людьми.

Ханна *(бросается к нему)*. Я так и знала. Вы сильный человек, доктор Матер, вы избранник божий. *(Благословенно целует ему руку.)*

Матер уходит. Судья и Пэрриш следуют за ним.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Ханна хочет броситься вслед за Матером, но не решается. В страхе и волнении бежит к окну, хочет его открыть, выглянуть в него, но не смеет.

Голос Матера *(через закрытое окно доходит — и то недостаточно ясно — только часть его речи)*. Господь позволил свершиться в нашей стране ужасным событиям. Он ослабил цепь дьявола, и тот напал на нас, полный лютой злобы, полный решимости создать среди нас свое царство. И вот уже бродит он среди нас, подобный льву рыкающему, ища кого развратить, кого одурачить, кого поглотить. Проснитесь, люди, проснитесь, я призываю вас!

Ханна. Ничего не поможет!

Голос Матера. Я должен сказать вам — это предостережение господне. Это глас божий вопиет на весь город ужасающе громко и грозно.

Ханна. Они его не слушают. *(Отбегает от окна, забивается в угол.)* Кончено! Все кончено!

Голос Матера. Глас божий пробуждает нас ото сна, от нашего глупого успокоения, он зовет нас изучать библию, и не одними устами, но и сердцем.

Ханна (*закрывая глаза*). Теперь... Ах, если бы теперь явился тот со своей книгой!.. (*Пишет пальцем в воздухе.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Входит Р и ч а р д, озабоченный, потрясенный.

Ханна (*устремляется к нему*). Ричард, как хорошо, что вы пришли! Вы не покинете меня, как другие. Вы не считаете, что я во всем виновата. Скажите мне, Ричард!

Р и ч а р д (*неуверенно*). Я не думаю, чтобы вы хотели всех этих ужасов.

Ханна. Пожалуйста, Ричард, не будьте таким невероятно осмотрительным. Вы не считаете меня скверной. Скажите мне это вашими добрыми словами, которых у вас так много!

Голос Матера. Всемогущий бог и его благословенный посредник Иисус Христос наполнили милосердием сердца людей. Но князь тьмы пытается направить это милосердие на ложный путь. Не дайте ему ослепить вас. Не питайте сострадания к преступникам, к осужденным, горящим ныне в огне вечного проклятия. Приберегите ваше сострадание для несчастных жертв, мучимых и преследуемых сатаной и его приверженцами.

Ханна. Верьте своему отцу. Пожалейте меня. Скажите, что вы не считаете меня скверной.

Р и ч а р д. Я питаю к вам самые добрые чувства, Ханна, и я в отчаянии от того, что вам приходится страдать.

Ханна. Если победят клеветники, и мне придется возвратиться в Салем, в эту страшную пустыню, и все кругом будут смотреть на меня со злобой и насмешкой, и меня опять будут только терпеть в отцовском доме, я этого не вынесу. Вы должны меня понять. Именно вы, питая ко мне добрые чувства, должны меня понять.

Р и ч а р д (*беспомощно*). Мне кажется, я вас понимаю. Но что я могу сделать?

Ханна (*подходя совсем близко к нему*). Уйдем вдвоем, вы и я, в другую колонию, где нас не знают и где нравы

мягче. Вы сильный и толковый, Ричард, да и я не слаба. У меня бывают всякие выдумки. У меня есть воображение, вы сами это признали. Уйдя отсюда, мы не пропадем.

Ричард (*увлеченный ее словами*). Что вы такое говорите? Чего вы требуете от меня?

Ханна. Я знаю, вы много потеряете, но еще больше приобретете. Разве вы не сказали, что я вам нравлюсь? Я это знаю, Ричард, и знала это давно. (*Кладет ему руку на плечо.*)

Ричард тяжело дышит.

Да вы весь дрожите!

Ричард (*с усилием*). Я... дрожу?

Ханна. Вы меня боитесь?

Ричард. Не знаю.

Ханна. Я ничто перед вами, Ричард Матер, особенно теперь, когда на меня, простую деревенскую девчонку, уже никто и не взглянет. Но я знаю, что вы с самого начала ласково смотрели на меня. И с тех пор мир стал для меня краше. Ричард, не заставляйте меня так клянчить. Я стоковалась, Ричард, от любви к вам.

Ричард порывисто целует ее. Ханна отвечает долгим, пылким объятием.

Голос Матера. Если вы хотите проявить сострадание, проявите его к тем, кто избран волей божьей и так жестоко страдает от злобы сатанинской.

Ханна (*высвободилась из объятий Ричарда и подходит к окну*). Смотрите, они затихли. Их захватила речь вашего отца. Он обратил их в нашу веру. Он победил!

Ричард подходит к ней. Ханна открывает окно.

Голос Матера (*громкий и сильный, врывается с улицы*). Но не имейте сострадания к тем, кто послушен дьяволу или призывал его к себе. Кто бы они ни были, они достойны ненависти. Уничтожайте их! Вооружайтесь против них и их господина — дьявола. К оружию! Я призываю вас к оружию! Берите в руки оружие и уничтожайте их! Не давайте никому пощады. Откажитесь от ложного сострадания. Нападайте на них, хватайте их, уничтожайте их!

Ханна (ликуя). Слова его бьют прямо в сердце. Люди готовы идти за ним. Он обращает их в истинную веру. Врагам ничего не удалось. Мы побеждаем, Ричард. Мы победили!

Ричард (отходит от окна, он явно встревожен). Что это значит? Будут новые жертвы? Будут новые казни у дуба?

Ханна (закрывает окно, подбегает к нему). Что с нами, Ричард? Радуйтесь же! Радуйтесь вместе со мной. Теперь мы можем остаться здесь. Нам не нужно отсюда уходить. (Бросается ему на шею.)

Ричард (не отвечая на ее объятия). Снова пойдут под суд люди, и вы этому радуетесь? Меня к вам влечет, Ханна, но я вас не понимаю.

Ханна. Я не лгала. Поймите же это! Вы видите, ваш отец верит мне, все мне верят.

Ричард (отступая от нее). Вы опять начнете рассказывать сказки? Девятнадцать человек отправлено на тот свет, потому что вы... (Он ищет слов.) Потому что вы... рассказывали сказки.

Ханна. То, что было между нами три минуты назад, не могло так сразу угаснуть в твоём сердце. Я лгу? (Нестово целует его.) Я лгу и теперь? И теперь?

Ричард (с трудом освобождаясь от нее). Я не хочу. Я не хочу любить тебя. Ты ликуешь, когда умирают люди. Ты мне страшна. Отойди от меня! Не прикасайся ко мне!

Ханна (в ярости). Ты гадкий! Ты чванливый, отвратительный. Тебе бы только мучить меня. Ага, теперь я знаю! Ты сам должен пойти под суд. Ты один из тех, кто расписался в красно-черной книге. Теперь пелена упала с моих глаз. Я видела тебя там и скажу об этом. Ты — колдун. Ты — дьявол. (С искаженным ненавистью лицом идет к нему, указывая на него пальцем.)

Ричард с омерзением бьет ее по лицу. Ханна в ужасе смотрит на него, затем падает на пол.

Ричард (бросается к ней). Нет, я этого не хотел. Простите меня, Ханна. Я сам не знаю, как я мог это сделать.

Ханна лежит на полу, содрогаясь от рыданий.

(Пытается ее поднять, уговаривает.) Поверьте мне, я этого не хотел. Простите меня. Мне тоже пришлось перенести немало, а вы сказали такое. Успокойтесь, пожалуйста.

Ханна медленно поднимается.

Я же знаю, что вы этого не хотели сказать. Вы не хотите лгать, Ханна, но иногда вас что-то толкает. Я всей душой жалею вас, Ханна.

Голос Матера доносится снаружи, заглушаемый нарастающими криками.

Г о л о с а. Мы больше не хотим... Мы больше не будем слушать... Это — сумасшествие... Мы больше не желаем... Судья... Мы верим судьбе Сюоллу...

Ричард подходит к окну, открывает его. Снизу доносятся все более громкие крики.

Р и ч а р д. Вы ошиблись, Ханна. *(Тихо, глубоко взволнованный.)* Он не победил. Ему больше не верят. *(Радостно, но по-прежнему тихо.)* Больше никого не будут убивать. *(Оборачивается, видит Ханну, которая съехала на стуле, совершенно уничтоженная. Подходит к ней.)* Ах, Ханна, я понимаю, каково вам сейчас. Я вас очень люблю, Ханна, несмотря ни на что. Пожалуйста, поверьте мне. Мне ужасно жаль, что я так поступил и что я так сказал.

Ханна при его робком приближении с внезапной решимостью выбегает из комнаты. Ричард, ошеломленный, не знает, следовать ли за ней.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Р и ч а р д и М а т е р.

М а т е р *(входит. Он взбудоражен, глубоко расстроен. Говорит, запинаясь).* Они восстали... они восстали... против меня. *(Постепенно приходит в себя и овладевает речью.)* Ты слышал, Ричард, сын мой? Люди, о которых я заботился со всей страстью моего сердца, кричали на меня. Я выследил врага божьего и указал путь к победе над ним. Я был хорошим пастырем. *(Становится за конторку.)* Они же встретили меня, как сыны израилены

настыря своего, когда он принес им веление господа и закон господний. Подобно сынам израилевым, плясавшим вокруг золотого тельца, они поклонились кумирам саддукеев и вольнодумцев. Отныне в Новой Англии наступают для дьявола славные времена, и вольнодумцы восторжествуют в стране.

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Те же и Пэрриш.

Пэрриш (*входит*). Я пришел проститься с вами, доктор Матер. Мы увидимся не скоро. Мне не остается ничего иного, как покинуть страну, где меня ждет лишь нещадное глумление.

Матер. В славные времена истории церкви верные служители и защитники ее не бежали столь поспешно от нападок насмешников.

Пэрриш. Поражение, которое потерпели вы, доктор Матер, это великая трагедия. Но вы останетесь знамениты и уважаемы даже в несчастье. Вы можете взирать с высоты на маленького сельского священника, изнуренного тысячью пошлых, злобных, грязных мелочей. Я иду за дочерью. (*Уходит.*)

Матер в изнеможении садится за стол, сжав голову руками.

Ричард (*застенчиво, терзаясь состраданием*). Отец!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Входят Эбигейл и Кольмен.

Матер с каменным лицом сидит у стола, сжав голову руками.

Эбигейл. Поговори с ним, Томас... Прошу тебя, поговори с ним.

Кольмен. Может быть, это и хорошо, Коттон Матер, что развязка пришла столь быстро и бурно. (*Приближается к нему.*) Пора тебе вырваться из мира своих фантазий! Не цепляйся так тщеславно за свою мнимую непогрешимость. Переломи себя! Не будь мельче, чем судья Сюолл.

Матер медленно поднимает голову и смотрит на него.

Ты сведущ в государственных делах. Ты знаешь, что теперь, после этих ведовских процессов, народ проснется и будет с удвоенной силой биться за возвращение старых привилегий.

Матер (*негодующе, но негромко*). Да, для того вы и призвали дьявола! Он должен помочь вам построить ваше государство, которое будет опираться не на заповеди господни, а на хрупкую логику человеческого разума.

Кольмен. Незачем скрывать действительность за высокопарными словами. Мы ценим твою силу. Давай, заключим честный союз. Помоги нам восстановить добрую старую конституцию и разделаться с этим заплаканным кафтаном, который навязали вам в Лондоне.

Матер. Это выгодно лишь вам обоим: тебе и дьяволу.

Кольмен. Вот что я тебе скажу. Тебе все равно надо поехать в Лондон на торжественное собрание, на котором Академия примет тебя в число своих членов. Воспользуйся этим случаем. Поезжай немедленно, сейчас же. Поезжай со мной. Люди отходчивы. Если мы привезем из Лондона лучшую конституцию, забудутся кровавые бесчинства, и в памяти останется только баллада о Матерах.

Матер (*с ненавистью и отвращением*). И ты осмеливаешься предлагать мне это в моем собственном доме? Жалкий, мелкий человек! Ты меряешь меня своей меркой. Ты думаешь, что если кучка болванов приветствует тебя восторженными криками, я забуду различие между богом и дьяволом?

Кольмен. Оставь эти громкие слова. Лучше подумай. Подумай основательно, но быстро. Корабль уходит через четыре дня.

Матер. Дурак! Да если бы я мог думать целую вечность, я все равно не отступился бы от своего бога.

Кольмен. А ты, Ричард? Будешь ли ты еще колебаться? Даже теперь? Разве ты хочешь приковать свою жизнь к этому? (*Показывает рукой на дубовую ветку.*)

Матер. Оставь мальчика в покое! Я не допущу чтобы ты отравлял мой дом своим зловонным вольнодумством. Я выгнал тебя отсюда. Но ты наглый, как все силы ада. Что же, мне позвать стражу?

Кольмен. Похоже, Ричард, что твоему отцу не хочется, чтобы ты ехал со мной. Но еще три недели, и тебе будет восемнадцать, а это — совершеннолетие.

Ричард в тяжком раздумье.

Матер. Мой сын воспитан в христианской семье. Он знает свой долг и мой. Он знает, что вслед этому кораблю полетит отцовское проклятие.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Те же и Пэрриш.

Пэрриш (*входит, неся на руках бездыханную Ханну*). Доктор Кольмен... Помогите... Я перерезал веревку... Наверно, бедняжке еще можно вернуть дыхание...

Ричард. Она сама?..

Пэрриш. Повесилась. Это моя вина. Моя ужасная вина.

Кольмен. Это наша общая вина. (*Осматривает труп*.) Никакой надежды.

Ричард (*хриплым голосом*). Я еду с вами, дядя Томас.

Эбигейл. Ричард!

Матер (*шатается, как дерево в бурю, дышит тяжело, потом говорит*). Дьявол проник в этот дом. Бог обрушил на меня чудовищные испытания. Я страшно одинок. Господи, не дай мне ослабеть духом! Господи, не дай мне отступить в борьбе против мрака! (*С величайшим трудом идет, шатаясь, к письменному столу*.) Укрепи меня, господи, помоги мне, одинокому, свидетельствовать против козней дьявола!

В то время как занавес начинает опускаться, берется за перо.

Из глубины сердца моего клянусь тебе продолжать свое дело. Не отступлю в борьбе против князя тьмы. Буду...

Занавес